

А. И. ГОРБУНОВА

ЯЗЫК

КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА ОСОБОГО РОДА

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Л. И. Горбунова

Язык как знаковая система особого рода

Учебное пособие

УДК 800.1(075.8)
ББК Ш16я73
Г67

Печатается по решению ученого совета
факультета филологии и журналистики ИГУ

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО «ИГУ» на 2012–2016 гг.,
проект Р214-08-004**

Рецензенты:

И. Б. Барамыгина, канд. филол. наук, доц.
Л. Г. Рябова, канд. филол. наук, доц.

Г67

Горбунова Л. И.

Язык как знаковая система особого рода : учеб. пособие / Л. И. Горбунова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 108 с.

ISBN 978-5-9624-0923-8

Рассматривается язык как особая семиотическая система.

Предназначено для бакалавров и магистрантов гуманитарных специальностей, изучающих дисциплины «Общее языкознание», «Введение в языкознание», «Основы семиотики», «Семиотика».

УДК 800.1(075.8)
ББК Ш16я73

Учебное издание

Горбунова Людмила Ивановна
Язык как знаковая система особого рода

Редактор Э. А. Невзорова
Темплан 2013 г. Поз. 125

Подписано в печать 24.12.2014. Формат 60х90 1/16

Усл. печ. л. 5,1. Тираж 100 экз. Заказ 112

Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0923-8

© Горбунова Л. И., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Знаковая природа языка	4
§ 1. Двусторонность знака	5
§ 2. Системность знака	27
Вопросы и задания для самоподготовки	32
Глава 2. Аксиомы языкового знака	33
§ 1. Асимметрия языкового знака	34
§ 2. Членимость языкового знака	39
§ 3. Историческая устойчивость семиотической связи	46
Вопросы и задания для самоподготовки	52
Глава 3. Специфика языка как знаковой системы	53
§ 1. Универсальность языка	53
§ 2. Динамизм языка	58
§ 3. Устойчивость языка	61
Вопросы и задания для самоподготовки	65
Глава 4. Означаемое языкового знака	66
§ 1. Семантика языкового знака	66
§ 2. Синтактика языкового знака	78
§ 3. Прагматика языкового знака	82
Вопросы и задания для самоподготовки	103
Заключение	105
Библиографический список	106

Введение

Как показала практика исследования конкретных языков и человеческого языка в целом, такой аспект изучения языка как система знаков – является одним из наиболее продуктивных, позволивших понять саму суть процессов обмена информацией с помощью языковых единиц и принципы работы других информационных систем, используемых человечеством. Как составная часть лингвистическая семиотика входит в теорию языка и изучается в курсе общего языкознания. В данном пособии язык рассматривается с точки зрения его общности с другими знаковыми системами и его особого места в семиотической среде, а кроме того демонстрируется, как указанная теоретическая дисциплина может быть применена к фактам русского и других языков. Сопряжение предложенных аспектов изучения языка способствует повышению уровня общелингвистических компетенций, расширению кругозора и научной эрудиции, формированию навыков целенаправленного анализа языкового материала.

Пособие состоит из четырех глав. В главе 1 «Знаковая природа языка» язык описывается в свете общих семиотических закономерностей, выявляются те свойства единиц языка, которые позволяют отнести их к знакам, а язык к семиотическим системам. В главе 2 «Аксиомы языкового знака» изучаются сущностные свойства языковых знаков, которые обуславливают статус языка как наиболее совершенной знаковой системы. В главе 3 «Специфика языка как знаковой системы» описываются свойства языковой системы в целом, выделяющие язык на фоне других знаковых систем. В главе 4 «Означающее языкового знака» исследуется специфика информации, которую можно передать с помощью языкового знака. В конце каждой главы даны вопросы и задания для самоподготовки. Ответы на предложенные вопросы позволят студенту проверить уровень усвоения теории, а выполнение упражнений, с одной стороны, продемонстрирует участки возможного применения теории семиотики при анализе работы языковых механизмов, а с другой, позволят проконтролировать умение рассматривать языковые данные с заданных позиций.

*Человеческая цивилизация невозможна
без знаков и знаковых систем, человеческий
разум неотделим от функционирования зна-
ков – а возможно, и вообще интеллект следует
отождествить именно с функционированием
знаков.*
Ч. У. Моррис

Глава 1

ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА

За длительное время своего существования человечество выработало множество способов передачи и хранения информации. Как показала историческая практика, одним из самых удобных из них является знак. «**Знак** – материальный, чувственно воспринимаемый предмет (событие, действие или явление), выступающий в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования. Предназначен для приобретения, хранения, преобразования и трансляции определенной информации (сообщения)» [Новейший философский словарь, 1999]. Знаки настолько важны в жизни человечества, что в XIX–XX вв. сложилась особая наука о знаках – **семиотика** (от греч. *semeion* – знак, признак), наука, «исследующая способы передачи информации, свойства знаков и знаковых систем в человеческом обществе (главным образом естественные и искусственные языки, а также некоторые явления культуры, системы мифа, ритуала), природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (зрительное и слуховое восприятие и др.)» [Большой энциклопедический словарь]. Цель семиотики – создание общей теории знаков во всех их формах и проявлениях.

В процессах познания и обобщения знак выступает в качестве представителя (заместителя) другого предмета. Способность реализовывать функцию замещения признается в науке основным

сущностным признаком знака. «Слово замещает вещь, предмет, понятие; деньги замещают стоимость, общественно необходимый труд; карта замещает местность; военные знаки различий замещают соответствующие им звания. Все это знаки. Человек живет в окружении двоякого рода предметов: одни из них употребляются непосредственно и, ничего не заменяя, ничем не могут быть заменены. Не подлежит замене воздух, которым человек дышит, хлеб, который он ест, жизнь, любовь, здоровье. Однако наряду с ними человека окружают вещи, ценность которых имеет социальный смысл и не соответствует их непосредственно вещественным свойствам. Так, в повести Гоголя «Записки сумасшедшего» собачка рассказывает в письме своей подруге, как ее хозяин получил орден: «... очень странный человек. Он больше молчит. Говорит очень редко; но неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: получу или не получу? Возьмет в одну руку бумажку, другую сложит пустую и говорит: получу или не получу? Один раз он обратился и ко мне с вопросом: как ты думаешь, Меджи, получу или не получу? Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапог и ушла прочь». Но вот генерал получил орден: «После обеда поднял меня к своей шее и сказал: «А посмотри, Меджи, что это такое». Я увидела какую-то ленточку. Я понюхала ее, но решительно не нашла никакого аромата; наконец, потихоньку лизнула: соленое немножко». Для собачки ценность ордена определяется его непосредственными качествами: вкусом и запахом, и она решительно не может понять, чему же обрадовался хозяин. Однако для гоголевского чиновника орден – знак, свидетельство определенной социальной ценности того, кто им награжден» [Лотман 1973, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/intro.php].

Итак, знак – это материальная сущность, которая способна передать информацию о другой материальной или нематериальной сущности. Такой способ передачи информации удобен, так как экономичен, поэтому человек окружил себя знаковыми системами, работающими в разных областях жизни: светофоры, semaфоры, дорожные знаки, система гонгов и дымов, которую используют некоторые народы, знаковые системы каждой из наук. При этом **знак отличается от обозначаемого им объекта**, знак не есть этот объект, «знак есть знак чего-то и это что-то в некото-

ром смысле лежит за пределами самого знака. Так, слово *кольцо* (*ring*) представляет собой знак для обозначения определенного предмета на моем пальце, и этот предмет в некотором (традиционном) смысле не входит сам по себе в состав знака» [Ельмслев, 2006, с. 80].

Во всех случаях **преднамеренного обмена информацией** мы имеем дело со знаками и часто сами их создаем для передачи информации в самых обыденных бытовых ситуациях. Например, в известной сказке Мальчик – с – пальчик использовал крошки хлеба как сигнал о том, что дорога домой проходит именно здесь. В мобильном телефоне за каждым контактом или группой контактов можно закрепить определенную мелодию, которая будет давать знать владельцу телефона о том, кто сейчас ему звонит. Эту же функцию может выполнять фотография или любое другое изображение, появляющееся на экране во время звонка (рис. 1).

Рис. 1

Далее рассмотрим, каковы свойства знаков, в том числе и языковых.

§ 1. Двусторонность знака

Двусторонность – это основное свойство знаков. Под двусторонностью знака понимается наличие у него **плана содержания** и **плана выражения**.

1.1. Знак – это носитель информации, для передачи которой он и создается, поэтому необходимым и важнейшим условием использования некоторого объекта как знака является наличие у него **плана содержания (означаемого, значения, смысла)** – той информации, которую знак передает. «Знак» функционирует, обозначает, указывает; «знак» в противоположность незнакому есть носитель значения» [Ельмслев, 2006, с. 67]. Например, зеленый свет светофора означает «движение разрешено», правая рука регулировщика вытянута вперед, и он стоит к Вам правым боком – «запрещено движение всех транспортных средств, пешеходам разрешено переходить проезжую часть только за спиной регулировщика», звонок в учебном заведении «начало или конец занятия», % – «процент, сотая часть чего-либо», # в музыкальной грамоте обозначает повышение звука на полтона, Σ – «сумма».

Наличие **плана выражения (означающего, формы, экспонента)** делает знак материальным. Это вторая сторона знака, она обеспечивает воспринимаемость его смысловой стороны адресатом – тем, кому передается информация. Все, что чувственно воспринимается, может стать экспонентом знака: цвет (светофор, желтая или красная карточка футбольного арбитра), свет (мигание подфарника у автомобиля), предмет (журнал в руках прошедшего навстречу), звук (сигнал автомобиля, звонок в театре), расположение предметов (комбинация выпуклых точек в азбуке для слепых Л. Брайля обозначает определенную букву или цифру), поза (поднятые вверх скрещенные руки хоккейного судьи означают «игра высоко поднятой клюшкой»). Широко распространены знаки-позы в общении бойцов спецназа (рис. 2).

В Индии сформировался особый «язык рук», где роль знаков (символов) играют положения рук (мудры). В других случаях роль знака могут выполнять предметы определенного качества и в определенной позиции (в «языке мушек» мушка на кончике носа – знак ревности, в «языке вееров» сложенный веер – знак отказа (рис. 3) и т. п.).

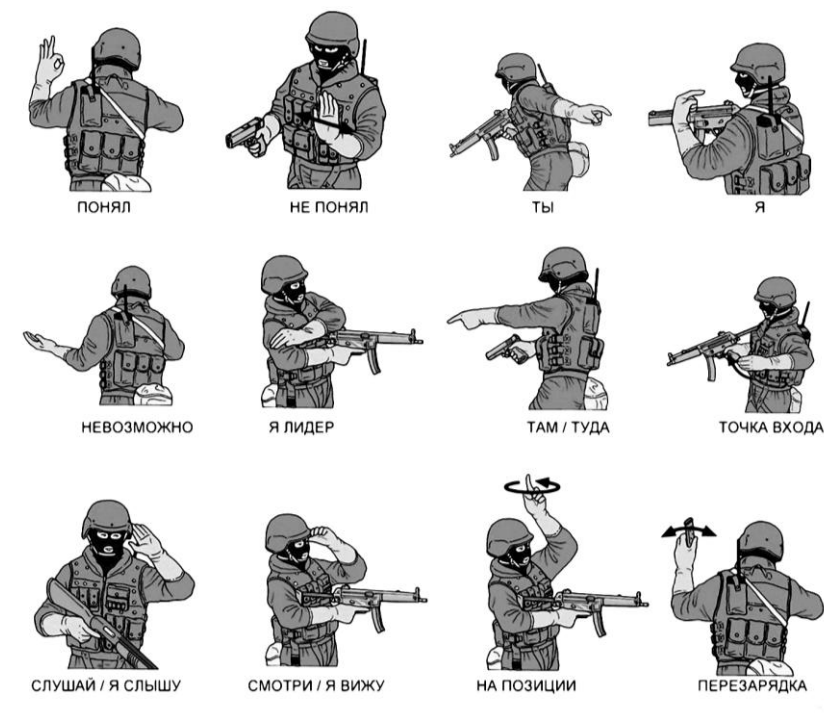

Рис. 2

План содержания и план выражения знака взаимосвязаны. Без экспонента содержательная сторона знака не может быть передана, поскольку обычный человек, не обладающий экстрасенсорными способностями, может получать только материально выраженную информацию. В свою очередь материальная сущность становится экспонентом знака только тогда, когда с ней связывается какая-нибудь идея, т. е. за экспонентом закреплено какое-то содержание. Сломанная ветка только тогда может быть знаком, а не просто предметом, когда между несколькими людьми существует договоренность о значении, которое закреплено за этой ситуацией (например, «здесь спрятана рация», «здесь надо свернуть с дороги»).

«Верить ли вашим словам?» –
закрытый веер держать у левого локтя

«Будьте осторожны: за нами следят» –
открытым веером дотронуться
до левого уха

«Я буду исполнять твои желания» –
правой рукой открыть веер и снова
закрыть

«Прости меня!» –
сложить руки под открытым веером

«Я жду ответа» –
ударить веером по ладони

«Молчи: нас подслушивают» –
закрытым веером дотронуться до губ

Рис. 3

Одна и та же ситуация может быть знаковой (семиотической) и не являться таковой в зависимости от того, связывается ли она с передачей информации. Когда посетитель, долго ожидая в приемной, начинает покашливать, это может означать «обратите на меня внимание». В этом случае звуки, которые он издает, являются знаками, так как несут информацию. Однако возможна и другая интерпретация данных обстоятельств: у посетителя просто побаливает горло, он ничего не имел в виду, когда кашлял. И эта ситуация уже не является семиотической (знаковой)¹.

Таким образом, знаком является материальный объект, несущий информацию.

1.2. Некоторые единицы языка обладают указанным свойством. Они двусторонни, т. е. имеют экспонент и содержание.

1.2.1. Экспонентом языковых знаков могут являться звуки в устной форме речи и начертательные, графические знаки (буквы, иероглифы) в письменной форме речи.

Почему материей языка являются именно звуки, а не другие материальные сущности?

В. ф. Гумбольдт говорил, что звукопроизводство – это неотъемлемое свойство живого организма, сопровождающее различные аспекты его деятельности, включая мыслительную. Это является одной из важнейших **объективных предпосылок** к тому, чтобы звуковая материя и в мире людей служила строительным материалом для языковых единиц. Поскольку язык есть средство приспособления человека к окружающей среде, то он должен быть связан с человеком, не может быть чем-то внешним по отношению к нему. Кроме того, звук имеет некоторые необходимые характеристики, чтобы быть материальной оболочкой знаков языка:

- **Легкодоступность и стабильность.** Каждый нормальный в физиологическом отношении человек всегда способен к производству и восприятию звуков речи. Таким образом, говорящий в любой момент имеет при себе материю для языковых знаков.

- **Мобильность.** В связи с тем что человек постоянно перемещается, звук речи также беспрепятственно перемещается в

---

¹ Выполните упражнение 1.19 из [Норман, 1989].

пространстве. Это позволяет и передаваемой информации преодолевать пространство. Кроме того, существует возможность оперировать практически бесконечным числом экземпляров каждой отдельной единицы (фонемы), так как звук воспроизводим в любом месте в любой момент.

■ **Компактность.** Как известно, материальная сущность тем мобильнее, чем она компактнее, это общее свойство объектов природы. Звук не занимает места, не имеет веса². Он порождается быстро, что позволяет передать большое количество информации в единицу времени. Критерием компактности сущности выступает прагматический фактор. Уменьшение физических размеров ведет к нарушению условия легкодоступности, может получиться так, что физические характеристики законотворителя (например, громкость звука) окажутся за порогом чувствительности анализаторов.

■ **Всеобщность.** Основные сущностные характеристики звука речи не зависят от индивидуальных биологических особенностей говорящего и слушающего. У всех говорящих на одном языке существуют примерно одинаковые навыки произнесения звуков своего языка, что составляет артикуляционную базу.

■ **Способность к комбинированию** дает возможность из небольшого набора составных элементов (фонем) создавать практически бесконечное число сообщений. «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только

---

² Сравните проекты искусственных языков, описанные в романе Д.Свифта «Путешествие Гулливера»: «Второй проект требовал уничтожения всех слов. А так как слова суть только названия вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний... Многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим способом выражения мыслей при помощи вещей. Единственным неудобством является то обстоятельство, что в случае необходимости вести пространственный разговор на разнообразные темы собеседникам приходится таскать на плечах большой узел с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух здоровых парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа: затем складывали свои пожитки, помогали друг другу взвалить их на плечи, прощались и расходились...» [Норман, 1989, с.13, упражнение 1.1]. План выражения знаков в этих языках не обладает свойствами мобильности, доступности и компактности, что и делает проблематичным использование таких знаков и в конечном счете приводит к невозможности использования подобного языка.

во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линию. Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. Он столь же важен, как и первый принцип. От него зависит весь механизм языка. В противоположность означающим, воспринимаемым зрительно (морские сигналы и т. п.), которые могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях, означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени; их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Это их свойство обнаруживается воочию, как только мы переходим к изображению их на письме, заменяя последовательность их во времени пространственным рядом графических знаков» [Соссюр, 1999, с. 72]. Так Ф. де Соссюр объясняет фундаментальное свойство языковых знаков – линейность.

Однако существуют и ограничения, которые звуковая субстанция накладывает на разрешающую способность естественного языка.

- **Ограниченное время существования звука.** Звук, в том числе и звук речи, – это волна, которая довольно быстро затухает. Поэтому звук речи имеет преходящий характер, его мимолетность отражена, например, в пословицах и поговорках: *«Слово не воробей. Вылетит – не поймаешь»* (рус.) *«Слова и перья делаются достоянием ветра»* (исп.)

- **Ограниченность в силе звукового сигнала.** Имеются физиологические ограничения на громкость звука, который может произвести речевой аппарат человека.

- **Порог чувствительности органов слуха.** При восприятии звуков речи существенную роль играет расстояние между отправителем и получателем. Измерено, что при обычных условиях без использования каких-либо технических средств звук речи средней силы может быть воспринят на расстоянии не более 10 м. Именно этот фактор послужил толчком к созданию некоторых искусственных знаковых систем – семафоров и т. п.

- **Связь звука и его производителя.** Любой человек практически в каждый момент своего сознательного существования может продуцировать звуки речи, что и определяет важнейшее

свойство звуковой материи языкового знака – легкодоступность. Однако звук может производиться до тех пор, пока есть говорящий. С его исчезновением (перемещением, смертью) исчезает и сама возможность означивания.

Стремление преодолеть эти ограничения привели к созданию письменности – особой знаковой системы, призванной в графическом виде зафиксировать знаки звукового языка. Графическая фиксация языковых знаков позволила хранить информацию во времени и пространстве³. Со временем под влиянием множества факторов между звуковым языком и письменностью установились весьма сложные отношения, порой плохо осознаваемые носителями языка: «изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому знаку. Это все равно, как если бы утверждали, будто для ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели лицо» [Соссюр, 1977, с. 63]. Ведущие лингвисты справедливо утверждают, что «произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительного: писанно-зрительное же имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым» [Б. де Куртенэ 1963, с. 291]. «Основоположник теории письма утверждает генетическую и функциональную первичность устной формы: письменность была создана именно для того, чтобы обслуживать звуковую форму языка – зафиксировать ее графически. Письмо вторично также по времени происхождения, ведь любой язык зарождается в устной форме, нет такого языка, где была бы письменная форма при отсутствии звуковой, существуют и бесписьменные языки. Таким образом, для существования языка обязательно его существование в звуковой форме при факультативности письменной. Каждый человек сначала овладевает устной, а потом, возможно, письменной формой» [Горбунова, 2007, с. 8–9].

1.2.2. Содержание языкового знака – это его значение. Морфема обладает признаком двусторонности: она материальна, т. е. может быть произнесена или написана, и выражает значение (*-юш-* [jʊш'] ‘действительный залог, настоящее время’ в слове *воющий*; *при-* [пр’и] ‘близость’ в слове *прибрежный*; *-енок-*

---

³ Подробно см. [Горбунова, 2007, с. 11–16].

[онък] ‘детеныш’ в *котенок*; -а- [а] в *трава* ‘именительный падеж единственного числа’).

Слово также материально и всегда имеет значение: *абажур* ‘колпак для лампы, светильника’; *там* ‘в том месте, не здесь’; *убедительный* ‘заставляющий убедиться в чем-нибудь, доказательный’. Обязательное наличие значения у слова – одна из языковых универсалий.

Отсутствие самостоятельного значения у звуков (фонем) не позволяет признать их знаковыми единицами языка. Они материализуют другие единицы, комбинируются и служат в качестве экспонента морфем и слов⁴.

Словосочетание и предложение – это значимые единицы языка, однако это не отдельный знак, а комбинация знаков – словоформ.

1.3. Экспонент знака может быть нулевым. Это ситуация так называемого значимого отсутствия.

1.3.1. Если между несколькими людьми существует договоренность, что наличие цветка на окне обозначает, что хозяин дома, а его отсутствие – хозяина нет, то имеется два знака: первый – с содержанием «я дома» и экспонентом «цветок», второй – с содержанием «меня нет дома» и экспонентом «отсутствие цветка», или нулевым планом выражения. Как известно, при повороте направо автомобиль сигнализирует об этом миганием правого подфарника, налево – левого, а если он едет прямо, мы узнаем об этом по отсутствию мигания. В этом случае отсутствие светового сигнала значимо, оно, как и мигание, передает информацию, т. е. является знаком с нулевым планом выражения.

1.3.2. В языке и искусстве «выражение может быть реализовано значимым нулем, присутствовать как отсутствие: «...И лишь молчание понятно говорит...» [Лотман, 2000, с. 12].

Это ситуации, когда информация передается материально не выраженной единицей. Нулевой знак обладает смыслоразличительной функцией. Например, в оппозиции словоформ *бел* – *бела* – *бело*, каждая из которых имеет значение рода и числа, эти значения выражены по-разному: окончаниями -а и -о. В словоформе *бел* значение рода и числа также осознается носителем

---

⁴ В лингвистике существует теория содержательности звуковой формы в языке – фоносемантика, которая занимается установлением смысла в самих звуках слова, в его фонетическом оформлении. См. [Журавлев, 1991].

языка, но в ней после корня нет никаких других частей, которые бы могли сигнализировать о грамматических значениях. Но на фоне словоформ *бела*, *бело*, где грамматические значения материально выражены, мы говорим о значимом отсутствии, т. е. о материально невыраженном значении. Можно сказать, что значение м. р. ед. ч. выражено в словоформе отсутствием какого-либо звука/звуков. В данном случае речь идет о нулевой морфеме.

Та же картина наблюдается при сопоставлении словоформ *греб* – *гребла* – *гребло*, каждая из которых осознается как форма прошедшего времени, но в словоформе *греб* это значение выражено отсутствием звуков после корня, т. е. нулевым суффиксом, наличие которого мы выявляем на фоне суффикса *-л-* в остальных членах оппозиции.

Нулевым экспонентом может обладать и слово. Следующие сообщения отличаются грамматическим значением времени:

1. На улице темно.
2. На улице было темно.
3. На улице будет темно.

Предложения 2) и 3) имеют материально выраженный формальный показатель прошедшего (*было*) и будущего (*будет*) времени, а в предложении 1) со значением настоящего времени этот показатель отсутствует, но значение все-таки воспринимается говорящим и слушающим, следовательно, оно передано нулевым знаком, присутствие которого обнаруживается через оппозицию с однородными знаками *будет*, *было*.

Р. Якобсон придает наличию в языке нулевых знаков особое значение, считая этот факт специфической характеристикой всей языковой системы: «Функционирование системы языка, как я пытался однажды показать, основано именно на «противопоставлении некоторого факта ничему» [Якобсон, 1985, с. 223].

1.4. Виды связи между планом содержания и планом выражения знаков различны. На этом основании Ч. Пирс [Пирс, 2000] выделил 3 типа знаков.

1.4.1. Индекс (от лат. *index* – доносчик, указательный палец, заголовок) характеризуется фактической, имеющей место в действительности смежностью означаемого и означающего: они существуют в одно время в одном месте, знак без объекта не существует. Индекс указывает на предмет, но не характеризует его.

Например, дым является индексальным знаком: он указывает на наличие рядом огня, повышенная температура тела – свидетельство болезни; флюгер указывает на направление ветра; отпечаток ноги на песке был для Робинзона Крузо знаком присутствия на острове человека; указательный жест определяет направление и место некоего объекта. Ч. Пирс отмечает: «Индекс физически связан со своим объектом, поскольку без имеющегося рядом во времени и пространстве объекта нет и его знака-индекса» [Пирс, 2000, с. 283]. К индексам причисляют как естественные, природные, так и искусственные, созданные человеком знаки.

1.4.2. Иконический знак (гр. *εικων* – образ), **знак-икона** построен на сходстве обозначаемого объекта и плана выражения знака и именно в силу этого сходства может использоваться как «заместитель», т. е. знак обозначаемого. Это живописные изображения, фото, скульптура, схемы, чертежи, диаграммы, пиктографическое письмо, географические карты. Форма иконического знака и означаемое находятся в том или ином отношении аналогии. Например, чертеж дома не есть дом, но это его знак, который не просто указывает на наличие дома, но демонстрирует устройство здания, количество этажей, расположение комнат. Чтобы узнать значение такого знака, нет необходимости в каком-либо обучении, поскольку по форме можно определить передаваемый смысл, так как первое заменяет второе «просто потому, что оно на него похоже» [Пирс, 2000, с. 285]. Например, рисунок какого-то животного подобен самому животному, человек на фотографии похож на реального человека. Многие дорожные знаки являются иконическими (рис. 4).

Иконический знак является простым для восприятия, поскольку его форма мотивирована его содержанием, т. е. уже внешний вид знака намекает на его значение.

Ч. Пирс [Пирс, 2000] в фундаментальном качестве иконического знака – его мотивированности – видит способность знака не только замещать объект, но и непосредственно отражать его, т. е. становиться «непосредственным образом»: иногда иконические знаки до такой степени похожи на замещаемые объекты, что едва могут быть отличены от них. Это означает, согласно Ч. Пирсу, что иконические знаки настолько сливаются со своими объектами, что человек, рассматривая какое-либо изображение, может

утрачивать осознание того, что перед ним не реальная вещь, а ее заместитель. Например, существует легенда о греческом художнике, столь искусно изобразившем виноград, что птицы прилетели клевать его.

Иконические знаки наилучшим образом сохраняют информацию, поскольку если исчезнет группа людей, использующая данный знак, то его значение может быть восстановлено и использовано другими мыслящими существами, способными заметить то же самое физическое сходство.

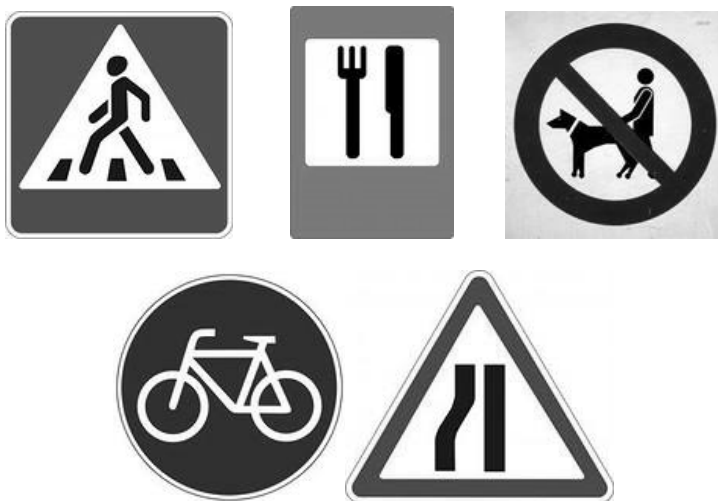

Рис. 4

1.4.3. Символический знак (гр. *Συμβολον* – условный знак, сигнал), **знак-символ** – это немотивированный знак, он не зависит от сходства или связи с означаемым объектом (флаг и герб страны, будучи символами страны, ничем не похожи на саму страну; нимб над головой святого не имеет ничего общего с качеством святости; нотные знаки не напоминают музыку, которую они условно обозначают; значок химического элемента не похож на сам химический элемент, необъяснимо, почему желтый свет светофора несет информацию «внимание!»)

Связь между экспонентом и содержанием знака-символа (семиотическая связь) условна. Этой условностью объясняется и то, что в разных ситуациях за одним экспонентом может быть закреплено разное содержание: среди русских покачивание головой из стороны в сторону означает несогласие, а среди болгар – согласие. Соединенные в кольцо пальцы в разных культурах несут различное содержание: в Америке ‘все в порядке’, в Японии ‘деньги, связанные с куплей – продажей’, в Тунисе ‘я убью тебя’.

Семиотическая связь существует только благодаря соглашению, поэтому знаки такого рода (символы) называют **условными**, или **конвенциональными** (от слова *конвенция* ‘соглашение’). Они потому условны, что их содержание связано с формой как бы по договору, гласно или негласно заключенному между пользующимися этими знаками. Знак-символ – это знак, который связан с обозначаемым объектом только посредством конвенций, принятых сообществом носителей. Это отношение совершенно произвольное, так как между внешним видом знака и предметом, который он обозначает, отсутствует естественное физическое сходство (рис. 5, 6).

Рис. 5

В чем принципиальное различие между следующими знаками?

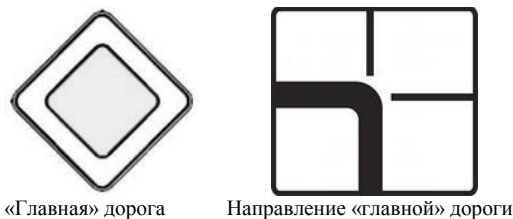

Рис. 6

Конечно, они разные внешне, т. е. в плане выражения, также мы видим некоторое несовпадение в значении, т. е. плане содержания. Но принципиальное семиотическое отличие состоит в соотношении формы и значения у каждого из знаков. План выражения первого знака никаким образом не намекает на его содержание, в его внешнем виде невозможно прочесть его значение, в то время как форма второго знака мотивирована, обусловлена его содержанием, т. е. отражает некоторые свойства обозначаемых объектов: различная толщина линий, изображающих дороги, соотносится с различным статусом дорог в движении (главная обозначена более толстой линией). Таким образом, по типу соотношения плана содержания и плана выражения определяем первый знак как символический, второй как иконический.

Вот как доказывает различия между иконическим и символическим знаком Ю. М. Лотман: «Если мы можем указать, что в славянских языках обозначения понятий **стул** и **стол** взаимно смещались: древнерусское *стол* на современный русский язык должно переводиться как ‘то на чем сидят’ (ср. *престол* ‘трон’), польское *stol* (произносится [stul]) переводится русским *стол* (ср. эстонское *tool*), то невозможно представить себе рисунок стола, про который было бы сказано, что в данном случае он обозначает стул и именно так должен пониматься теми, кто его рассматривает [Лотман, 1973, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/intro.php].

1.4.4. Большинство языковых знаков представляют собой символы, поскольку связь между экспонентом и содержанием языкового знака условна. Это свойство Ф. де Соссюр назвал **произвольностью языкового знака**, под которой понимается произвольная, **немотивированная природой вещей** связь означаемого и означающего, содержания и экспонента знака⁵. Ничем не мотивировано то, что жилище человека в русском языке называется с помощью комбинации звуков [д], [о], [м], а [б^{уд}’**ьт**] обозначает синтаксическое будущее время⁶. Никто не знает, почему

---

⁵ О мотивированности/немотивированности языкового знака природой вещей см.: [Мечковская, 1998, с. 174–176].

⁶ Не следует путать мотивированность знака и словообразовательную мотивированность слова. В языке некоторые знаки могут быть мотивированы другими языковыми знаками, произвольность здесь ограничена словообразовательной

конкретное слово или морфема национального языка означает именно этот фрагмент действительности⁷. Они условно, как бы

системой языка: экспонент производных слов мотивирован производящими словами (летчик так назван потому, что он летает, а слово мотивировано глаголом *летать*, но не самим действием, которое обозначено данным словом. Звучание и написание слова *летать* никак не соотносится с характером действия ‘передвигаться по воздуху’).

Когнитивное направление лингвистики развивает мысль, идущую еще от В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни, о том, что знак мотивирован духом народа, что звуки, избираемые для экспонента знака, обусловлены психологически, что связь означаемого и означающего знака можно видеть еще и в том, что форма знака может пониматься, по словам А. А. Потебни, «...не в смысле грубого материала (полотно, краски, мрамор), а в смысле материала, подчиненного мыслию (совокупность очертаний статуи)». Внешняя форма «...в статуе не есть грубая глыба мрамора, но мрамор, обтесанный известным образом, в картине – не полотно и краски, а определенная цветная поверхность... Внешняя форма слова тоже не есть звук как материал, но звук, уже сформированный мыслью» [Потебня, 1976, с. 176].

Подобная позиция иллюстрируется в [Журавлев, 1991, с. 25–26]. Данная мысль не противоречит постулату произвольности знака Ф. де Соссюра, поскольку он не говорит об абсолютной случайности в выборе звуков для обозначения объекта. Он утверждает отсутствие связи **звучания знака с характеристиками вещи**, которую этот знак обозначает: «Слово *произвольный* ... не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее *немотивировано*, т. е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи [Соссюр, 1999, с. 71].

⁷ В истории науки имелись попытки объяснить выбор того или иного звука для экспонента слова свойствами объекта, который это слово называет. «Так вот этот звук [р]. – Л. Г.), как я говорю, показался присвоителю имен прекрасным средством выражения движения, порыва, и он много раз использовал его с этой целью. Прежде всего сами имена *река* – от слова (*течь*) – и *стремнина* подражают порыву благодаря этому звуку; затем слова *трепет*, *обрывистый*, а еще такие глаголы, как *ударять*, *крушить*, *рвать*, *рыть*, *дробить*, *вертеть*, все они очень выразительны благодаря [р]. Я думаю, законодатель видел, что во время произнесения этого звука язык совсем не остается в покое и сильнейшим образом сотрясается. Поэтому, мне кажется, он и воспользовался им для выражения соответствующего действия. А йотой он воспользовался для выражения всего тонкого, что могло бы проходить через вещи. Поэтому *идти* и *ринуться* он изобразил с помощью йоты. Так же с помощью звуков пси, сигмы и дзеты (это как бы «дышащие» звуки) он, давая вещам названия, подражал сходным их свойствам. Например, так он обозначил студеное, шипучее, тряску и вообще всякое сотрясение. И когда, давая имена, он подражал чему-либо вспенившемуся, то

по негласному договору, называют именно те, а не иные, предметы, явления и прочие реалии.

Кроме того, немотивированность языкового знака-символа доказывается еще и тем, что одинаковые значения в разных языках предаются разными экспонентами, что говорит о произвольности в выборе экспонента для передачи значения. Например, русское *бык* соответствует английскому *bull*, немецкому *Ochs*, шведскому *tjur*, баскскому *zezen*.

Звукоподражательные слова так называются потому, что они якобы передают реальное звучание, т. е. звуки слова совпадают с обозначаемыми словом звуками природы, а значит, их экспонент мотивирован их содержанием. На самом деле мотивированности нет, так как в разных языках одни и те же звуки окружающего мира обозначаются разными словами: в русском языке звук, который издает петух, передается словом *кукареку*, в английском *cock-a-doodle-doo* [kɔ kə du dl'du], один и тот же звук в русском обозначается словом *хлоп*, а в английском – *bang*.

«Произвольность знака можно усмотреть в том, что основным законом его существования является традиция. Каждое поколение принимает язык как эстафету от предшествующего поколения, не имея возможности никакого выбора, и также по традиции передает языковое наследство следующему за ним поколению.

В связи с этим основным законом функционирования знака является то, что последний сопротивляется изменениям, эволюционируя очень медленно, в силу чего в языке откладываются архаизмы, наличествует большое число алогизмов, не объяснимых зачастую ни логикой системной организации, ни логикой обозначаемых знаками вещей и явлений объективного мира. Структурная и семантическая мотивированность языковых знаков со временем стирается, знак же продолжает функционировать как в полной мере произвольный. Не случайно наряду с понятием «система» существует понятие «узус».

всюду, как правило, вносил эти звуки. В свою очередь сжатие языка при произнесении дельты и упор при произнесении полезно, кажется, применить для выражения скованности уздой и стояния. А так как при произнесении ламбды язык очень сильно скользит, опускаясь вниз, то, пользуясь уподоблением, он так дал имена гладкому, скользющему, лоснящемуся, смолистому и прочим подобным вещам» [Платон, <http://philosophy.ru/library/plato/kratil.html>].

Произвольность знака сказывается и в том, что не только индивид, но вся языковая общность не в силах управлять законами функционирования знаков. Сознательная регламентация человеком языковых знаков очень ограничена, она ничтожна по сравнению с их внутрискруктурной и чисто традиционной предписанностью. Это не исключает, а наоборот, предполагает такие периоды в истории развития конкретных языков, когда язык подвергается сильной регламентации, сознательному воздействию говорящего на языке коллектива...

Наконец, произвольность знаков усматривают в их генезисе, т. е. стихийности их возникновения» [Общее языкознание, 1970, с. 121].

Элементы мотивированности языкового знака свойствами обозначаемой вещи можно усмотреть в **редупликации** как способе выражения грамматического значения мн. числа (в яз. хауса *iri* 'сорт, вид' – *iri-iri* 'виды', *biri* 'обезьяна' – *biriri* 'обезьяны'), значения интенсивности (в яз. хауса *fi* 'превосходить' – *fifita* 'намного превосходить', *sani* 'знать' – *sansani* 'точно знать', в рус. яз. *синий* – *синий-синий*, *ждал*, – *ждал-ждал*). Также «в индоевропейских языках положительная, сравнительная и превосходная степени прилагательных обнаруживают постепенное нарастание числа фонем, например: *high-higher-highest*, *altus-altior-altissimus*. Таким способом означающие отражают градацию означаемых по степени качества. Есть языки, в которых формы множественного числа отличаются от форм единственного дополнительной морфемой, в то время как, по данным Гринберга, нет такого языка, в котором это отношение было бы обратным. Означающее плюральной формы проявляет тенденцию отражать значение количественного превосходства путем удлинения этой формы. Ср. личные формы глагола в единственном числе и соответствующие формы множественного числа с более длинными окончаниями во французском языке: 1 л. *jefinis*–*nousfinissons*, 2 л. *tufinis*–*vousfinissez*, 3 л. *ilfinit*–*ilsfinissent*; или в польском языке: 1 л. *znam*–*znamy*, 2 л. *znasz*–*znacie*, 3 л. *zna* – *znaja* [Якобсон, 2001, с. 119].

1.4.5. Итак, знак-символ, каким бы он ни был (словесным, схематическим, цветовым), ничем не похож на обозначаемый им предмет, поскольку форма знаков-символов не дает никакого

представления о содержании; их действие основано на установленной по соглашению связи означающего и означаемого. Сущность связи знаков-символов состоит в том, согласно Ч. Пирсу [Пирс, 2000], что она является правилом и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности.

«Для того чтобы прочесть вывеску над магазином, надо знать язык, но для того, чтобы понять, что означает золотой крендель над входом, или угадать по товарам, выставленным в витрине (они играют, в этом случае, роль знаков), что можно здесь купить, кажется, никакого кода не требуется. Таким образом, сообщение, зафиксированное условными знаками (символами. – Л. Г.), будет выглядеть как закодированное, требующее для понимания владения специальным шифром, между тем как иконические представляются «естественными» и «понятными». Не случайно при общении с людьми, говорящими на непонятном нам языке, мы прибегаем к иконическим знакам – рисункам» [Лотман, 1973, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/intro.php].

Таким образом, для восприятия информации, которую несут иконические знаки, не нужно специально обучаться, так как уже форма, внешний вид намекает на их значение.

По-другому дело обстоит с символами. Такие знаки немотивированны, это знаки-шифры, семиотическая связь в них устанавливается произвольно, на основе договоренности пользователей. Немотивированность знаков-символов ведет к тому, что для восприятия их значения необходимо обязательно знать, какое содержание каким экспонентом выражается. Поэтому, для того чтобы символ выполнял свою функцию носителя информации, пользователю нужно знать о наличии и характере семиотической связи, т. е. надо быть осведомленным о связи между двумя планами знака, быть участником договора. Именно произвольность связи между планом содержания и планом выражения знака-символа обуславливает необходимое свойство этого типа знаков – **конвенциональность**. «В самом деле, всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке или, что то же, на соглашении» [Соссюр, 1999, с. 71]. Само функционирование языка классики семиотики понимают как реализацию соглашения между пользователями. «Понимать язык – значит употреблять только те сочетания и пре-

образования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать свои собственные состояния так, как это делают другие, – короче говоря, понимать язык или правильно его использовать – значит следовать правилам употребления (синтаксическим, семантическим и прагматическим), принятым в данной социальной общности людей» [Моррис, 2001, с. 76].

Конвенциональность – необходимое и обязательное условие для выполнения символом своих знаковых функций [Якобсон, 2001, с. 113]. Во-первых, только участие в договоре позволяет пользователю интерпретировать некоторую ситуацию как знаковую. Рассмотрим пример. Человек, который должен встретиться с информантом, заходит в кафе в бейсболке козырьком вперед. Для участников договора, наблюдающих со стороны, такое положение головного убора является знаком и несет информацию «я его не вижу». Для тех, кто не участвует в договоре, бейсболка является не знаком, а просто элементом одежды. Человек вышел из кафе и повернул бейсболку козырьком назад. Для знающих это значит «встреча произошла». Даже если следившие за этой ситуацией противники оказались очень внимательны и поняли, что поворот бейсболки не случаен, что это знак, то они все равно не могут точно судить о значении этого изменения. Следовательно, только участие в договоре позволяет получить информацию с помощью символа.

Договоренность может устанавливаться несколькими людьми в пределах определенной группы. Например, в фильме «Семнадцать мгновений весны» разведчики условились, что о провале явочной квартиры будет информировать цветок на окне. Здесь имела место договоренность, понимаемая в прямом смысле: группа людей договорилась, т. е. ‘пришла к соглашению после переговоров, обсуждения’.

Связи между формой и значением знака-символа может установить и конкретный человек. Например, в 1838 г. С. Морзе предложил код, в котором сочетание короткого и длинного звукового сигнала (точки и тире) обозначает определенную букву (.- «А», . – «W», – . «N»). Эту знаковую систему осваивают радисты, которые тем самым становятся участниками конвенции.

Понятно, что при установлении семиотических связей в языке описанные ситуации в принципе невозможны, поскольку «всякий языковой знак по своему возникновению стихийен. Под стихийностью мы понимаем здесь непреднамеренное, самопроизвольное и не содержащее в себе никакой закономерности возникновение. Язык и языковые знаки возникают именно так. Никто не придумывал словесных знаков, и никто не условливался о значении возникающих слов. Договорные теории, характерные для просветительского рационализма, не выдерживают ровно никакой критики. Ведь чтобы договориться о значении слов, уже надо пользоваться словами и исходить из языка как из орудия разумно жизненного общения» [Лосев, 1982, с. 71].

Связи между звучанием и значением языковых знаков устанавливались и устанавливаются длительно в ходе общественной практики, путем многочисленных проб и длительного отбора. «В самом деле, однажды возникший языковой знак, например, слово, в течение десятилетий, столетий, а иной раз и тысячелетий меняет свое значение трудноуловимыми и часто почти необъяснимыми путями. Латинский глагол *dico* значит ‘говорю’, и корень *die* указывает на процесс говорения. По-гречески, наоборот, этот корень и соответствующие производные слова указывают не просто на говорение, но на суждение, решение и даже на вынесение приговора. Греческое *dicastes* значит ‘судья’; *dice* ‘право, справедливость’; *dicasterion* ‘суд’; *dicaiosyne* ‘справедливость как добродетель’. Кто, когда, почему и в каких целях установил такие разные значения корня *die* в греческом и латинском языках, совершенно неизвестно и даже вовсе не является предметом языкознания. Это разное функционирование одного и того же корня вполне стихийно. Можно припомнить еще и греческое *deicnymi* ‘показываю, указываю’. Здесь тот же корень, но совсем с другим значением. Можно назвать и немецкое *zeigen* ‘указывать’. По чьей воле и вследствие чьего намерения произошли все эти фонетические и семантические функции одного и того же индоевропейского корня, – спрашивать об этом просто бессмысленно» [Лосев, 1982, с. 72–73].

Конвенциональность языка проявляется в том, что «все члены языкового сообщества способны отличить правильное употребление от неправильного; правила, которым можно следовать,

так или иначе существуют в сознании членов сообщества. Принятие этих правил, согласие им следовать может быть описано через разделение некоторого соглашения – подобно тому, как это происходит с формальными (искусственными) знаковыми системами, когда некоторое количество людей договаривается между собой о значении определенных знаков» [Лебедев, 1998, URL: <http://philosophy.ru/texts/stability.html>]. Между носителями языка существует согласие относительно формы, значения и правил употребления языковых единиц. Почти про каждый элемент люди, владеющие данным языком, могут сказать, принадлежит ли он именно этому языку, что он значит и как употребляется. Хотя в большинстве случаев люди не способны точно описать семантику единицы, они реагируют на изменение ее формы и неправильное употребление: *«Все равно, начини словами: там, на пристанционном пруду. На пристанционном? Но это неверно, стилистическая ошибка, Водокачка непременно бы поправила, пристанционным называют буфет или газетный киоск, но не пруд, пруд может быть околостанционным . Ну, назови его околостанционным, разве в этом дело. Хорошо, тогда я так и начну: там, на околостанционном пруду* [Соколов, 2009, с. 3].

С точки зрения семиотики, изучение языка есть изучение семиотических связей, а знающий некоторый национальный язык – это участник договора, часть языкового коллектива, осведомленного о семиотических связях, имеющих место в определенной знаковой системе.

§ 2. Системность знака

Знак как носитель информации может функционировать только в системе, т. е. наряду с другими взаимосвязанными знаками.

2.1. Зеленый цвет светофора приобретает значение «движение разрешено» только в системе противопоставления с желтым и красным, вне этой оппозиции зеленый не имеет такого значения. В то же время система является для знака тем контекстом, который обеспечивает ему его функционирование. «Представим себе светофор с одной незначительной неисправностью: красный и желтый сигналы функционируют нормально, а в зеленом выби-

то стекло и горит простая белая лампочка. Несмотря на известные трудности, которые представит такой светофор для шофера, все же передавать сигналы с его помощью можно, поскольку выражение знака «зеленый» существует не как отдельный знак, а в качестве части системы, означая «не красный» и «не желтый». Константность места в трехчленной системе и наличие красного и желтого сигналов без труда позволят идентифицировать белый и зеленый как две разновидности выражения для одного содержания. А при повторном пользовании этим светофором шофер может не заметить разницы между белым и зеленым, как не замечает он оттенков цветов у различных светофоров. То, что знаки не существуют как отдельные, разрозненные явления, а представляют собой организованные системы, является одной из основных упорядоченностей языка [Лотман, 1973, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/intro.php].

Знак проявляет свое значение наряду с другими членами системы и только в ней может быть адекватно осознан. Изображение **Р** может быть правильно понято только тогда, когда оно встроено в систему других изображений, т. е. когда пользователь знает, представителем какой системы является данный знак. В сопоставлении с изображениями **Ы, Ц, Ж** – буквами русского алфавита, обозначающими [**ы**], [**ц**], [**ж**], мы выясняем и значение **Р** – это [**р**]. В других системах, через другие оппозиции выясняются другие значения этого же изображения. В сопоставлении с буквами латинского алфавита **W, G, R** этот знак проявляет значение [**п**], с символами химических элементов **Na, Ca, H** – «фосфор», с символами из физики **V (объем), F (сила), t (время)** – «вес тела».

Для того чтобы понять информацию, заключенную в знаке, необходимо знать систему, в которой он функционирует, ее законы. Например, надпись *ноѣта* может быть прочитана как [нормь] или [поч'ть] в зависимости от того, выполнена ли она в знаковой системе «латиница» или «кириллица».

Чтобы в полной мере и правильно воспринять то, что изображено на иконе, надо, например, знать, что все святые изображались со смуглыми, изможденными лицами, поэтому на иконах святой младенец изображался как маленький взрослый. Лишь зная, что множественность на иконах было принято изображать путем повторения одной характерной детали, мы можем понять,

что 1–2 фигуры воинов на фоне большого количества шлемов обозначают войско, а храм, за которым изображено много маков церквей, – город. Только осведомленность в законах системы позволит узнать, что на иконе «Битва новгородцев с суздальцами» побеждают новгородцы: на это указывают флаги (рис. 7).

Рис. 7

Свойство системности знака чрезвычайно важно в семиотике искусства. Например, для понимания смысла картины «зрителю надо знать (знание это он черпает из вне живописи лежащего культурного кода), что означают маки, змея, держащая хвост в зубах, орел, сидящий на книге законов, белая туника и багряный плащ на портрете Екатерины II кисти Левицкого» [Лотман, 1973. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/intro.php]⁸.

В разных изобразительных кодах имеют разное значение различия в величине фигур; в соответствии с традицией некоторых средневековых школ живописи злодеи, в отличие от других персонажей, последовательно изображались в профиль, а в древ-

---

⁸ Екатерина изображена в Храме богини Правосудия Фемиды. Императрица сжигает на алтаре маковые цветы, которые в античной традиции считались символом сна и покоя, тем самым выражается готовность царицы пожертвовать собственным покоем ради процветания России. У ног Екатерины свод государственных законов и орел с оливковой ветвью в клюве, которые олицетворяют просвещенную, сильную и мирную Россию. Змея, пожирающая свой хвост, – символ вечности и бесконечности, циклической природы жизни: чередования созидания и разрушения, жизни и смерти.

неегипетском искусстве их изображали только анфас» [Якобсон, 2001, с. 116].

2.2. Системность языкового знака также постоянно значима для его функционирования⁹. Системность знака естественного языка можно рассматривать как минимум в двух аспектах.

Языковой знак проявляет свое значение, опознается наряду с другими знаками системы. Например, в цепочке *асимметрия* [а] будет восприниматься как экспонент знака со значением отрицания, в цепочке *гроза* это уже другой знак со значением 'им. п. ед. ч.', *светла* 'ж. р. ед. ч.', *около девяносто* 'р. п.' Сочетание звуков [бој] в системе русского языка имеет значение 'процесс по глаголу *бить*', в английском языке 'мальчик'.

Значение языкового знака выявляется в системе противопоставлений, оппозиции с другими однородными знаками. Значение морфа *-у-* проявляется только тогда, когда он соотнесен с другими входящими в ту же парадигму: *а-, у-, ой-, е-* (*река, реку, реке, рекой*) – 'в. п. ед. ч.' или *у-, ешь-, ет-* (*пишу, пишешь, пишет*) '1 л. ед. ч.' Этому свойству система обязана и наличием знаков с нулевым экспонентом. Например, значение нулевого окончания и само его наличие можно выявить, если включить его в оппозиции: *-я, -ю, ем-, е-* (*конь – коня – коню – конем – коне* 'им. п. ед. ч.'), *и-, ам-, ами-, ах-* (*реки – рек – рекам – реками – реках* 'род. п. мн. ч.'), *те-* (*пиши – пишете* 'ед. ч.')

Языковой знак приобретает значение только в системе, наряду с другими однородными знаками, с учетом их значения, под влиянием законов всей системы. Так, общеславянское *живот* в системах конкретных славянских языков приобрело разные значения: в русском 'часть тела', в болгарском, и чешском 'жизнь', в словенском, словацком, польском 'тело'. При коммуникации «исключительное значение для правильного понимания значения слов имеет учет их системных связей. Так, если значение русского слова *роман* можно понять лишь в противопоставлении словам *повесть, рассказ, новелла* и пр. (где основой противопоставления служит степень охвата отражаемых жизненных явлений, а отсюда – большая или меньшая форма прозаического произведения), то англ. *romance* как термин литературоведения означает 'про-

---

⁹ См. подробно [Горбунова, 2012].

заическое или поэтическое повествование героически-приключенческого или романтически-любовного плана' в противоположность *novel* 'прозаическому реалистическому бытовому произведению' (основа противопоставления здесь – степень реалистичности, «приземленности» сюжета)» [Гуревич, 2007, URL: www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications]. Как писал Велимир Хлебников, «каждое слово опирается на молчание своего противника».

При перемещении знака из одной системы в другую его значение может измениться под влиянием новой системы. Слово *глава*, имевшее в старославянском языке в том числе значение 'часть тела', в русском из-за наличия русского *голова* с тем же значением оставляет за собой в нейтральном употреблении только значение 'руководитель, начальник, старший по положению'¹⁰.

2.3. Знаковые системы имеют внутреннюю организацию – структуру. Это своеобразная грамматика знаковых систем.

Во-первых, знаки объединяются в **классы**, т. е. вступают в парадигматические отношения. Например, в системе «светофор» знаки объединяются в две группы **желтый** противопоставлен **зеленому** и **красному** как предупреждающий знак. Дорожные знаки группируются следующим образом: знаки приоритета; предупреждающие знаки; предписывающие знаки; знаки особых предписаний; запрещающие знаки; информационные знаки; знаки сервиса.

Во-вторых, знаки, входящие в одну систему, подчиняются внутрисистемным законам **сочетаемости**. Цвета светофора могут так следовать друг за другом: **красный – желтый, желтый – красный, зеленый – желтый, желтый – зеленый**, – но не может быть комбинации **зеленый – красный** и **красный – зеленый**. В системе письма существуют правила комбинации знаков препинания: при встрече запятой и тире сначала ставится запятая, а затем тире; перед закрывающими кавычками не ставится точка, запятая, точка с запятой, двоеточие и тире, все эти знаки ставятся только после кавычек.

Раздел семиотики, изучающий структуру сочетания знаков и правила их образования и преобразования, называется **синтаксис**, или **синтактика** (от греч. *syntaktikos* 'привести в порядок'). В синтактике знаковая система «выступает как совокупность объектов, связанных между собой в соответствии с двумя классами правил: правил образования, которые определяют допусти-

---

¹⁰ Другие примеры системности языкового знака см. в [Горбунова, 2012].

мые самостоятельные сочетания членов данной совокупности (такие сочетания называются предложениями), и правил преобразования, определяющих предложения, которые могут быть получены из других предложений. И те и другие правила можно определить термином «синтаксическое правило». Синтактика, следовательно, – это изучение знаков и их сочетаний, организованных согласно синтаксическим правилам [Моррис, 2001, с. 56].

Вопросы и задания для самопроверки

1. Каковы задачи семиотики?
2. Понятие о знаке вообще, о языковом знаке в частности.
3. Продемонстрируйте на примерах свойства знаков (неязыковых и языковых).
4. Какие свойства единиц языка позволяют отнести их к знакам?
5. Какие единицы языка считаются знаками и почему?
6. Охарактеризуйте субстанцию языкового знака, приведите примеры.
7. На конкретном языковом материале покажите двусторонность языкового знака.
8. Какие типы знаков выделяются семиотикой, на каком основании?
9. Приведите примеры знаков-индексов, иконических знаков, знаков-символов.
10. Что такое конвенциональность знака, как она обусловлена типом связи между означаемым и означающим?
11. Как понимается конвенциональность языкового знака, в чем она проявляется?
12. Что понимается под условностью связи между означаемым и означающим?
13. Докажите языковым материалом условный характер семиотической связи.
14. Расскажите о спорных моментах трактовки положения о произвольности языкового знака.
15. Проиллюстрируйте примерами системность знака.
16. Покажите системность языкового знака с точки зрения синхронного и диахронного языкознания.
17. На примере слова *бокс* продемонстрируйте системность языкового знака *box* (англ.) 'коробка', 'ложа', 'стойло', 'вид спорта', *бокс* 'вид спорта').
18. Выполните упр. 1.3, 1.12, 1.18, 1.19, 1.20, 1.21, 1.22, 1.26, 1.29 из сборника упражнений [Норман, 1989].

Глава 2

АКСИОМЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

Основная функция языка – коммуникативная. В акте коммуникации происходит сознательная передача информации, во время которой информация (идеальная сущность) переходит от одного участника акта общения к другому не непосредственно, а опосредованно, с помощью материальных сущностей – языковых единиц, представляющих собой последовательности звуков и начертаний. Давая такую характеристику языка, имеют в виду, что значимые языковые единицы материальны и способны передавать информацию, т. е. функционируют как знаки.

Язык – это знаковая система. Исследование языка как знаковой системы было начато Ф. де Соссюром, Он первый сформулировал и обосновал положение о двустороннем характере знака, о психической природе обеих его сторон – означаемого и означающего, о произвольном характере их связи, системной обусловленности знака, непрерывности знака во времени, его изменчивости.

Ф. де Соссюр писал о том, что языковые единицы являются заместителями реальных действительности. Овладев языком, человек создал вокруг себя вторую реальность – реальность, отраженную в языке, замещающую окружающий мир. Чтобы узнать о каком-либо месте, человек может побывать в нем, т. е. чувственно, непосредственно познать его. Однако есть и другой, опосредованный, способ познания – через язык, т. е. через восприятие текста (устного или письменного), в котором будет описываться познаваемое.

Языковые единицы обладают свойствами знаков, которые мы рассмотрели в предыдущей главе. Однако знаки языка характеризуются и специфическими признаками, которых нет у неязы-

ковых знаков. Это базовые свойства знаков языка, которые принято называть **аксиомами языковых знаков**. «Аксиома есть исходное суждение, лежащее в основе сложных суждений из определенной области знания» [Лосев, 1982, с. 31]. На данных положениях базируется знаковая теория языка.

§ 1. Асимметрия языкового знака

Связь между означаемым и означающим является сущностной характеристикой знака. В акте коммуникации человек нацелен на восприятие информации, которая по своей природе идеальна, т. е. не может быть воспринята чувственным способом. Именно знак – сущность идеально-материальная – способен быть средством передачи информации благодаря установленным семиотическим связям.

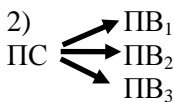
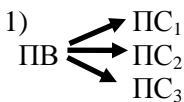
1.1. Экспонент и содержание знака в неязыковых знаковых системах симметричны, т. е. имеют одно-однозначное соответствие: одному содержанию (ПС) в пределах данной системы соответствует один экспонент (ПВ), одну и ту же информацию можно передать только с помощью одного и того же предмета, и наоборот: один и тот же экспонент имеет только одно значение.

$$\text{ПВ}_1 \leftrightarrow \text{ПС}_1 \quad \text{ПВ}_2 \leftrightarrow \text{ПС}_2 \quad \text{ПВ}_3 \leftrightarrow \text{ПС}_3$$

Например, красная карточка в руках футбольного судьи означает только удаление игрока с поля, с помощью красной карточки во время футбольного матча не может быть передана никакая другая информация. Красный крест на автомобиле говорит, что это автомобиль «Скорой помощи», и по-другому эта информация в данной системе не передается.

1.2. Одной из важнейших аксиом языкового знака, обеспечивающих возможности функционирования всей языковой системы, является **асимметрия плана выражения и плана содержания**. Внимание к этому свойству привлек Сергей Осипович Карцевский, посвятивший ему статью «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [Карцевский, 1965]. Под асимметричным дуализмом автор понимает отсутствие одно-однозначного соответствия между означающими и означаемыми.

Асимметрия языкового знака может проявляться двояко: 1) одно и то же и означающее в разных случаях своего употребления может служить для передачи разных означаемых и 2) одно и то же означаемое в разных условиях употребления может быть представлено разными означающими.

Асимметрия означаемого и означающего вызывается сдвигами, которые неизбежно возникают при употреблении знака в конкретной коммуникативной ситуации под влиянием лингвистического и экстралингвистического контекста. «В сущности, никакой словарь не сможет учесть все мыслимые случаи расширения плана содержания слова, потому что они происходят постоянно, каждый день, каждую минуту. Более того, говорящий может такого переноса значения не замечать, потому что в его сознании заложены наряду с лексическими классами также и общие модели их семантического развития. Скажем, если существительное обозначает исходный материал, то оно регулярно приобретает вторичное значение ‘изделие из этого материала’, ср.: *столовое серебро* (о посуде), *разменять рубль медью* (т. е. медными монетами), *мех всегда в моде*, *знаменитое чешское стекло* и т. п. Если существительное обозначает животное, то оно наверняка может использоваться для обозначения человека, напоминающего данное животное какими-то своими качествами, ср.: *медведь*, *петух*, *корова*, *баран*, *ласточка*, *орел*... Если существительное обозначает деятельность, процесс, то оно опять-таки регулярно может использоваться для обозначения предмета, связанного с этим процессом, – его объекта, результата, инструмента и т. п., ср.: *остановка* (двигателя) – *остановка* (автобусная), *вязание* (крючком) – *вязание* (бабушкино), *соединение* (частей) – *соединение* (воинское), *пропуск* (посетителей) – *пропуск* (служебный) и т. п. Получается, что расширение плана содержания происходит вполне закономерно: оно протекает «по накатанным рельсам», по готовым образцам. И, конечно, трудно учесть в словаре все конкретные случаи такого переноса значения. Итак, знак постоянно стремится стать многозначным, захватить себе новый

«кусочек смысла». Ну а вторая сторона знака, формальная, – чем она хуже? Она тоже развивается, тоже стремится реализовать свою относительную свободу, расширяться за счет новых вариантов.

Изменения плана выражения знака многообразны. Прежде всего это узаконенное грамматикой фонетическое и морфологическое варьирование слов и их форм, ср., например: *баржа – баржа, под ноги – под ноги, галоши – калоши, рукой – рукою, гармоничный – гармонический, абхаз – абхазец* и т. п. Далее, это всевозможные звуковые чередования, происходящие в корне слова: *нога – ноги* ([г] – [г']), *день – дня, щель – щелка, сжечь – сожгу, мочь – могу – можешь, прочитать – прочесть* и т. п. Наконец, к вариантам плана выражения можно отнести и речевые искажения формы слова, вызванные разными причинами: действием аналогии, стремлением к сокращению, к экономии речевых усилий и т. п. Ср. такие русские примеры, как: *провода* вместо *проволака*, *наверно* вместо *наверное*, *полувер* вместо *пуловвер*, *махаешь* вместо *машеешь*, *вовнутрь* вместо *внутри* и т. п.» [Норман, 2004. URL:<http://www.twirpx.com/file/418147/>].

С. О. Карцевский писал, что означающее и означаемое «постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский, 1965, с. 89].

Асимметрия двух сторон знака – это не недостаток системы, нарушающий ее стройность, а достоинство естественного языка. «Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [там же: 89].

1.2.1. Асимметрия типа 1) реализуется в двух языковых явлениях: полисемии и омонимии, – и обнаруживается на всех уровнях языковой системы. Так, русская приставка *за-* может означать и начало действия (*закапать, запеть*) и местонахождение (*загорный, Заволжье*), английская флексия *-s* обозначает и множественное число существительного (*dogs* ‘собаки’, *books* ‘книги’), и третье лицо единственного числа глагола (*reads* ‘читает’),

builds ‘строит’). Русский глагол *топить* имеет три означаемых: ‘делать так, чтобы утонул’ (*топить в реке*), ‘делать так, чтобы стал жидким’ (*топить лед*) и ‘делать так, чтобы давал тепло’ (*топить печь*). У предложения *Он не должен этого делать* два означаемых: ‘ему не обязательно это делать’ и ‘ему нельзя этого делать’. Предложение *Коля пошел к Оле с Мишей* может означать ‘Коля пошел к Оле, которая жила вместе с Мишей’ или ‘Коля вместе с Мишей пошел навестить Олю’. Фраза *Мужу изменять нельзя* также может быть истолкована двояко: ‘муж не должен изменять жене’ и ‘жена не должна изменять мужу’. Несколько смыслов имеют и следующие словосочетания: *катать шарики* (‘делать’ и ‘перемещать’), *вытравить рисунок* (‘сделать’ и ‘уничтожить’), *проехать остановку* (‘покрыть расстояние’ и ‘миновать точку’), *обивка мебели*, *эмалировка тазов*: при объектных отношениях *обивка* и *эмалировка* обозначают действие (*обивка дивана не потребовала много времени*), при посессивных¹¹ отношениях – результат действия (*обивка мебели поражала роскошью*).

Асимметрия данного типа, прежде всего это касается полисемии, важна для функционирования языка. При полисемии для номинации нового фрагмента действительности не создается новый знак, а используется уже имеющийся в языке: он в качестве наименования переносится с одного объекта на другой на основе ассоциации (метафоры) или смежности (метонимии). При этом в системе достигается существенное уменьшение количества знаков, которые необходимо запомнить пользователю для владения языком. Нет такого языка, в котором бы каждому явлению действительности было присвоено отдельное имя. Окружающий мир настолько богат, что язык в таком случае стал бы невероятно громоздок, если бы в нем отсутствовал механизм переноса наименований. Сам принцип «одно означающее – несколько означаемых» позволяет регулярно использовать уже имеющиеся в языке знаки для означивания новых реалий действительности.

Вот как этот принцип работы языковой системы проявляется в использовании предлогов: «В естественном языке в принципе не может быть готовых обозначений для любого фрагмента действительности. Язык стремится использовать одну и ту же еди-

---

¹¹Посессивные отношения – отношения принадлежности.

ницу для обозначения разных ситуаций за счет особых правил взаимодействия ее семантики с контекстом (для предлогов особенно важной оказывается семантика предметного имени, с которым они сочетаются). Необходимости в большом количестве предлогов не возникает, если естественным и предсказуемым для носителя языка образом менять интерпретацию в каждом контексте» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 115–116].

Асимметрия описанного типа может быть использована не только для экономии, но и для достижения различных прагматических эффектов. Вот пример из стихотворения Б. Пастернака, в котором автор использует многозначность слова для создания выразительности:

*Сколько надо отваги,
Чтоб **играть** на века.
Как **играют** овраги,
Как **играет** река,
Как **играют** алмазы,
Как **играет** вино,
Как **играть** без отказа
Иногда суждено.*

А. С. Пушкин также использует омонимы, и в результате контексты приобретают иронический оттенок:

*Что же делает **супруга**
Одна в отсутствие **супруга**?
Защитник вольности и **прав**
В сем случае совсем не **прав**.*

1.2.2. Тождество означаемых при различии означающих (асимметрия 2) представлено синонимией знаков на всех уровнях системы языка. Приставке *за-*, означающей зачинательность действия, синонимична, например, приставка *по-* (*запеть, победить*), значение р. п. мн. ч. в русском языке может быть выражено разными окончаниями: *-ов, -ей, нулевым* (*садов, коней, яблок*). Синонимия представлена и на лексическом уровне, например, рядами *бегемот – гиппопотам, языкознание – лингвистика, правописание – орфография, закадычный (друг) – заклятый (враг) – круглый (отличник) – абсолютный (чемпион) – заядлый (охотник)*. Следующие синтаксические кон-

струкции при различии плана выражения имеют близкое значение: *Выдвигая проект, Англия поставила условие. – Когда Англия выдвигала проект, она поставила условие. – При выдвигании проекта Англия поставила условие. А принадлежит В. – А – владелец В. – В – собственность А.*

Наличие синонимии не только делает речь человека выразительной и богатой, но и имеет существенное значение для функционирования языка как средства отражения действительности.

Синонимы позволяют наиболее точно описать ситуацию, ее тонкие отличительные признаки. Например, *согласный* – синоним к слову *дружный* – уточняет значение последнего, указывая на особую слаженность и ритмичность действий; слова *воплъ*, *рев* имеют усилительный оттенок значения по сравнению с синонимичным словом *крик*. На фоне глагола *бросить* его синонимы выделяют в действии некоторые особенности: *швырнуть* ‘с силой’, *уронить* ‘нечаянно’.

Наличие синонимии важно и с прагматической точки зрения. Говорящий, выбирая некий знак, определенным образом упаковывает информацию, Например, при употреблении конструкции в активном залоге в фокус попадает деятель, субъект, а при использовании пассивных конструкций субъект уходит в тень или вообще за кадр (*Спецназ обезвредил террористов. – Террористы обезврежены спецназом. – Террористы обезврежены*). Кроме того, синонимы позволяют выразить разного рода отношения (*маленький – низенький – миниатюрный – ростом с фигу*).

§ 2. Членимость языкового знака

Другое важное свойство знаков естественного языка – это сложность их строения, структурность, т. е. разложимость на более мелкие элементы. Эту аксиому вслед за Андре Мартине называют **членимостью** [Мартине, 1963]. Свойство расчлененности языковых знаков, как и свойство асимметрии, продиктовано необходимостью передавать с их помощью огромное количество самых разнообразных сообщений, касающихся разных сторон человеческой жизни и деятельности. Число смыслов, подлежащих выражению средствами языка, практически бесконечно, по-

сколько язык – это универсальное средство общения, не ограниченное какой-либо одной предметной областью, а число формальных единиц языка конечно и к тому же не слишком велико. Это противоречие снимается в том числе и второй аксиомой языкового знака: большинство сообщений на языке есть не новый глобальный знак, а комбинация уже имеющихся в системе простых знаков.

Если семиотическая система обслуживает строго ограниченную сферу общения, то в ней могут использоваться простые, целостные, глобальные знаки, здесь каждому сообщению соответствует один знак. Простой знак выражает целостное содержание, не поддающееся разложению на отдельные компоненты и выражающееся единым, целостным экспонентом (например, флаг над зданием, цвет ракеты, буква, цифра). Знаковая система **светофор** состоит из трех знаков с неразложимыми означающими (красный, желтый и зеленый свет), которым соответствуют целостные сообщения 'стой', 'внимание', 'двигайся'. Для такого ограниченного числа сообщений глобальными сигналами пользоваться удобно.

Но в семиотических системах, предназначенных для передачи значительного количества информации, как правило, используются комбинации ограниченного количества простых знаков. Например, чтобы описать специфику огромного числа веществ в окружающем мире, химия использует комбинации буквенных знаков латинского алфавита и нескольких числовых индексов (N_2O – закись азота, NO – окись азота, N_2O_3 – азотистый ангидрид, NO_2 – двуокись азота, N_2O_5 – азотный ангидрид). Сложно представить, сколько понадобилось бы глобальных знаков для выполнения этой же функции и какой надо было бы обладать памятью, чтобы пользоваться такой системой! Сравните глобальные знаки некоторых веществ, применявшиеся в химии XVIII в. Каждому веществу соответствует отдельный знак (рис. 8).

Поэтому применение семиотических систем, состоящих из большого количества глобальных знаков, весьма проблематично, поскольку вынуждает пользователя запоминать слишком много единиц. Сравним, например, фонематические и идеографические системы письма. Как известно, алфавит – знаковую систему, состоящую из нескольких десятков нерасчлененных знаков – освоить намного легче, чем, например, китайское письмо, так как оно

использует несколько десятков тысяч знаков. Запомнить их все практически невозможно. Именно поэтому до изобретения алфавитов письмо было уделом немногих избранных.

⊙ золото.	∇ ⁵ винной спиртѣ.
☾ серебро.	∇ ² самой чистой винной спиртѣ.
♁ олово.	℞ тинктура.
♂ мѣдь.	∇ ⁷ крѣпкая водка.
♂ свинецѣ.	∇ ⁸ золотая водка.
♀ ртуть.	⊗ щелочная соль.
♂ сюрма.	⊗ } поташѣ.
♂ желѣзо.	⊖ соль поваренная.
○-○ мышьякѣ.	⊖ селитра.
○=○ орпиментѣ.	○ квасцы.
X } сплауверѣ.	⊕ купоросѣ.
Z }	⊖ × } нашатырь.
W- висмутѣ.	⊖ ⊕ }
К коболѣ.	+ кислота вообще, или и уксуѣ такѣ же.
☞ королекѣ металли-ческой.	⊕ пережгнатоѣ уксуѣ.
⊕ сѣра горячая.	☐ винной камень.
⊕ киноварѣ.	☐ бура.
⊕ ярь Венецѣйская.	☐ моча.
☐ спиртѣ (вообще).	☐ извеѣ.
○-○ масло.	×× стекло.

Рис. 8

2.1. Язык человека принадлежит к сложным семиотическим системам. В них, в отличие от простых систем, действует принцип двойного членения знаков. «Своеобразие в соотношении двух сторон знака заключается не столько в отсутствии одно-однозначного, постоянного соответствия означаемого означающему, сколько в факте неконгруэнтной членимости на элементы означающего и означаемого. **Каждая из сторон** языкового знака

имеет **свои принципы членимости** и свои формы структурной организации, что в свою очередь порождает определенную автономию как означаемого, так и означающего. Эта особенность языковых знаков была определена А. Мартине как **принцип двойного членения языковых элементов**» [Общее языкознание, 1970, с. 119].

Первый уровень членения можно определить формулой « X состоит из $Y_1, Y_2...Y_n$ ». Он соответствует разложению сложных знаков на составляющие их простые, что позволяет представить сложный знак в виде цепочки более простых знаков. Так, в сложном знаке, каким в русском языке является предложение *Весна идет*, имеющее свой план выражения и свой план содержания, выделяются два более простых знака – слово *весна* и слово *идет*, – каждый из которых имеет свое означаемое и означающее. Словоформа *предзеркальному* состоит из 4 морфем *пред-*, *-зеркал-*, *-н-*, *-ому*, каждая из которых имеет свое звучание и значение и формирует данный сложный знак. Морфема же на первом уровне далее нечленится, т. е. ее невозможно разложить на более простые знаки. Именно поэтому ее называют **минимальной значимой единицей** языка.

«Слова не являются конечными, неразложимыми знаками, как можно было бы подумать, учитывая интерес традиционной лингвистики к слову. Слова могут быть разделены на части, которые так же, как и слова, являются носителями значения: корни, словообразовательные аффиксы, словоизменительные аффиксы. Некоторые языки идут в этом отношении дальше, чем другие. Латинское окончание *-ibus* не может быть разложено на знаки меньшей протяженности, но само является простым знаком, несущим значение падежа и значение числа; венгерское окончание для дательного падежа множественного числа в таком слове, как *magyar-ok-nak* (от *magyar* ‘венгр’), есть сложный знак, состоящий из знака *-ok*, несущего значение множественного числа, и из знака *-nak*, несущего значение дательного падежа» [Ельмслев, 2006, с. 67].

Членимость сообщений на простые знаки позволяет экономить мыслительные ресурсы. Количество сообщений, которые создают говорящие, бесконечно. Если бы естественный язык состоял только из глобальных, неразложимых знаков, то их в языке должно было бы быть необозримо много и для их запоминания

понадобилась бы фантастическая память. Кроме того, при использовании глобальных сигналов имеется еще одно препятствие – ограниченные возможности передачи и приема звуковой информации. Нетрудно распознать несколько десятков фонем, которые обычно есть в языке и которые достаточно контрастны, поскольку обладают набором дифференциальных признаков, что делает их хорошо различимыми. Но если число фонем возрастет до миллионов, различия между ними станут практически неуловимыми для слуха человека и невоспроизводимыми с помощью речевого аппарата.

Следовательно, членимость сообщений на естественном языке, разложимость языковых выражений на более мелкие элементы оправдана принципом экономии: с одной стороны, оно мотивируется экономией памяти, с другой – экономией речевых усилий по производству высказываний. Членение дает возможность с помощью нескольких десятков фонем, имеющихся в языках, создать несколько десятков тысяч морфем, а на их основе построить несколько сотен тысяч знаков-слов, из которых в свою очередь можно создать бесконечное множество знаков-предложений для выражения той многообразной информации, которой люди обмениваются в ходе своей деятельности.

2.2. Второе членение применяется уже не к знаку в целом, а к каждой из двух его сторон в отдельности. Означающее и означаемое знака отдельно друг от друга членятся на составляющие их элементарные единицы. Эти единицы, которые уже, в отличие от знаков, являются одноплановыми, односторонними сущностями, Л. Ельмслев предложил называть фигурами [Ельмслев, 2006].

2.2.1. План выражения членится на фигуры, которыми являются **фонемы**. Фонемы сами по себе не несут информации, не имеют собственного означаемого, но при этом обладают различительной силой, благодаря которой они дифференцируют звуковые оболочки знаковых единиц – морфем и слов. Именно благодаря фонетическим различиям мы осознаем данные слова как разные: [ныл], [мыл], [выл], [рыл], [жыл], [шыл], [пыл], [был].

2.2.2. План содержания знака также может быть разложимым на компоненты, но это уже **компоненты смысловые**. Так, **значение слова** *старый* составляется из **значений морфем**, входящих в его состав (*стар*- ‘возраст’ + *-ый* ‘им. п. ед. ч. м. р.’),

аналогично: *стар-ик-у* = ‘возраст’ + ‘мужской пол’ + ‘д. п. ед. ч.’, *стар-ух-ой* = ‘возраст’ + ‘женскость’ + ‘тв. п. ед. ч.’, *стар-ик-ашик-а* + ‘возраст’ + ‘мужской пол’ + ‘пренебрежительность’ + ‘им. п. ед. ч.’

В любом языке есть большое количество единиц, устроенных таким образом. Однако и среди непроеизводных, т. е. нечленимых на первом уровне, морфем и слов любого языка имеется множество таких, которые в семантическом отношении не являются элементарными, т. е. таких, значение которых включает несколько смысловых компонентов. Этот признак касается как лексических, так и грамматических элементов: *-ви-* выражает одновременно значения прошедшего времени и действительного залога (*смотревший*); *-а-* – значения именительного падежа и единственного числа (*сторона*); *-ит* – значения 3-го лица и единственного числа (*бежит*). План содержания английского окончания *-s* одновременно включает компоненты ‘3 л.’ + ‘ед. ч.’ + ‘наст. вр.’ + ‘изъяв. накл.’ (*works* ‘работают’).

Комплексно могут выражаться также одновременно лексические и грамматические значения. В английском имеются указательные местоимения *this* ‘этот’ и *that* ‘тот’ и их формы множественного числа *these* ‘эти’, *those* ‘те’. Ни в единственном, ни во множественном числе данные словоформы не членятся на морфемы, а план содержания при этом включает в себя и лексическое значение, и грамматическое значение числа. В языке догон (Африка) план содержания суффикса *ne/m* составляется одновременно из двух компонентов: ‘лицо по действию’ и ‘число’ (*antolu* ‘охота’, *antolu-ne* ‘охотник’, *antolu-m* ‘охотники’).

Итак, **план содержания**, или означаемое, знака может быть представлен в виде совокупности фигур, т. е. элементарных единиц плана содержания. Схожие наблюдения по поводу устройства человеческой мысли обнаруживаются уже в XVIII в. в работах английского физика, математика, мыслителя-рационалиста Г. В. Лейбница, который считал, что все сложные понятия разлагаются на простые, являющиеся неким «алфавитом человеческих мыслей», и задача науки – составить перечень этих простых понятий, на этой основе можно научиться получать точные определения всех остальных понятий.

В современной лингвистике существует целый ряд терминов для обозначения фигур плана содержания: семы, семантические компоненты, элементарные смыслы, семантические признаки, семантические примитивы и т. п.)

«Разложимость означаемого на фигуры можно проиллюстрировать следующим примером. Пусть у нас имеется множество слов: 1) *отец*; 2) *мать*; 3) *сын*; 4) *дочь*; 5) *дядя*; 6) *тетя*; 7) *племянник*, 8) *племянница*. Сопоставляя означаемые слов 1, 3, 5 и 7 с означаемыми слов 2, 4, 6 и 8 соответственно, получаем различающие их фигуры ‘лицо мужского пола’ / ‘лицо женского пола’. Сопоставляя означаемые слов 1, 2, 3 и 4 с означаемыми 5, 6, 7 и 8 соответственно, выделяем различающие их фигуры ‘прямая генетическая связь’ / ‘непрямая генетическая связь’. Сопоставляя, наконец, означаемые 1, 2, 5 и 6 с 3, 4, 7 и 8 соответственно, получаем фигуры ‘предшествующее поколение’ / ‘последующее поколение’. Теперь означаемое любого элемента в пределах фиксированной нами области анализа, т. е. восьми терминов родства, может быть представлено в виде набора из трех фигур – одноплановых семантических единиц, не имеющих собственного означаемого. Так, означаемое слова *отец* членится на фигуры ‘лицо мужского пола’, ‘прямая генетическая связь’ и ‘предшествующее поколение’, а означаемое слова *племянница* – на фигуры ‘лицо женского пола’, ‘непрямая генетическая связь’ и ‘последующее поколение’. Читатель легко может провести членение означаемых оставшихся шести терминов родства на фигуры плана содержания. Рассмотренная нами на конкретном примере процедура членения означаемых знака на фигуры составляет существо одного из важнейших методов современной семантики – метода компонентного анализа значений» [Кобозева, 2000, с. 34–35].

Мысль о членении означаемого языкового знака на фигуры была применена и развита в еще целом ряде лингвистических идей. Например, ученые, представляющие Московскую семантическую школу (Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, В. Ю. Апресян, И. М. Богуславский, О. Ю. Богуславская, М. Я. Гловинская, Л. Л. Иомдин, Л. Н. Иорданская, И. Б. Левонтина, В. З. Санников, Е. В. Урысон), предложили толковать значение слов через перечисление в дефиниции семантических компонентов, составляющих план содержания, например: *сохранить* = ‘не

перестать иметь', *взять* = 'сделать так, чтобы иметь самому', *дать* = 'сделать так, чтобы имел другой', *вести* = 'делать так, чтобы другой шел, и идти самому', *ехать* = 'делать так, чтобы ехал другой и ехать самому', *холостяк* = 'мужской пол', 'взрослый', 'человек', 'не состоящий в браке', *жена* = 'женский пол', 'взрослый', 'человек', 'состоящий в браке', *женщина* = 'женский пол', 'взрослый', 'человек'.

Польский лингвист А. Вежбицка, проанализировав значения множества слов различных языков мира (европейских, африканских, китайско-тибетских и др.), пришла к выводу о том, что существуют такие элементарные единицы смысла (она назвала их **семантические примитивы**), которые зафиксированы во всех языках мира в виде отдельных слов или морфем. Среди таких универсальных семантических примитивов А. Вежбицка называет *я, ты, кто-то, что-то, это, говорить, хотеть, не хотеть (или: нет), чувствовать и думать*. Именно эти смысловые единицы участвуют в формировании значений слов всех языков мира [Вежбицка, 1993], т. е. являются лексическими универсалиями.

§ 3. Историческая устойчивость семиотической связи

Свойства естественного языка и его единиц обусловлены его функциями, в том числе и третья аксиома языкового знака – историческая устойчивость связи между означаемым и означающим.

3.1. Как известно, одной из основных функций языка является коммуникативная. Процесс обмена информацией на естественном языке фактически является использованием шифра. Как это происходит?

Шифрование – это опосредованный способ передачи информации с помощью тайных знаков. Шифровальщик переводит смысл сообщения по определенным правилам в другую форму, используя элементы данного шифра. Дешифровщик производит обратную операцию: извлекает из элементов шифра, элементы передаваемого сообщения, используя те же правила, называемые ключом. Азбука Морзе, флажковая азбука (рис. 9, 10) являются примерами шифров, с помощью которых могут передавать ин-

кода переводит в буквы: - . : . — - : : . : - . - : : ... .. --- -- . :

А ● —	Л ● — ● ●	Ц — ● — ●
Б — ● ● ●	М — —	Ч — — — ●
В ● — —	Н — ●	Ш — — — —
Г — — ●	О — — —	Щ — — ● —
Д — ● ●	П ● — — ●	Ъ ● — — ● — ●
Е ●	Р ● — ●	Ы — ● — —
Ж ● ● ● —	С ● ● ●	Ь — ● ● —
З — — ● ●	Т —	Э ● ● — ● ●
И ● ●	У ● ● —	Ю ● ● — —
Й ● — — —	Ф ● ● — ●	Я ● — ● —
К — ● —	Х ● ● ● ●	

Рис. 9. Кодовая таблица азбуки Морзе

Используя код, получаем: *третья аксиома*¹².

А	Б	В	Г	Д	Е	Ё
Ж	З	И	Й	К	Л	М
Н	О	П	Р	С	Т	У
Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ
Ы	Ь	Э	Ю	Я		

Рис. 10. Кодовая таблица флажковой азбуки

¹² Запишите данное сообщение с использованием флажковой азбуки.

При использовании языка как коммуникативной системы происходит то же самое: говорящий зашифровывает информацию с помощью языковых единиц, которые играют роль элементов кода, а слушающий расшифровывает сообщение. При этом очевидно, что пользоваться кодом могут только те, кто знает, что обозначает каждый из его элементов. Именно конвенциональность элементов кода позволяет при желании использовать его как способ тайной передачи информации.

Почему использующие шифр понимают друг друга? Потому, что каждый из них за одним и тем же знаком видит одну и ту же информацию. Этот процесс обеспечивается устойчивостью семиотической связи, т. е. связи между планом содержания и планом выражения знака. Для языка это свойство его единиц особенно важно, поскольку язык является основным средством общения, используемым огромным числом людей.

Как уже говорилось, связь между двумя сторонами языкового знака условная. Однако, когда эта связь уже установлена, она не может быть произвольной для носителей языка. Если бы одним и тем же означаемым не соответствовали всегда одни и те же означающие, если бы эти связи не были закреплены традицией, то язык не мог бы выступать в качестве средства коммуникации. Если в ходе коммуникации нарушается соответствие между планом содержания и планом выражения, то могут происходить коммуникативные сбои. Например, комический эффект в анекдотах и анекдотических фразах часто основывается на том, что за одной и той же формой общающиеся видят разное содержание:

1. *В графе «пол» всегда писал «паркетный»;*

2. *Генерал посылает солдат помочь жене на даче. Генеральша объясняет:*

– *Сначала вы поправите забор...*

– *Есть!*

– *Потом покрасите его...*

– *Есть!*

– *Потом почините калитку.*

– *Есть!*

– *Господи, какие же они голодные!*

Связь между означаемым и означающим языкового знака следует признать устойчивой, исторической, сформированной в процессе языковой практики.

3.2. Историческая устойчивость связи между означаемым и означающим языкового знака обусловлена также и когнитивной функцией языка. Язык – это средство закрепления результатов познания. Познанное человек означает в языке, тем самым сохраняя информацию для других людей – носителей данного языка. Устойчивость семиотических связей и обеспечивает сохранение и передачу познанного в течение длительного времени.

3.3. Историческая устойчивость связи между означаемым и означающим языкового знака непосредственно связана с еще одним его свойством – произвольностью. Для доказательства этого тезиса приведем довольно обширную цитату из Ф. де Соссюра. «Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. У этого коллектива мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим. Этот факт, кажущийся противоречивым, можно было бы, грубо говоря, назвать “вынужденным ходом”. Языку как бы говорят: “Выбирай!”, но тут же добавляют: “...вот этот знак, а не другой!” Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть... Фактически всякое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествующих поколений и который должен быть принят таким, как он есть. Вот почему вопрос о происхождении языка не так важен, как это обычно думают. Такой вопрос не к чему даже ставить; единственный реальный объект лингвистики – это нормальная и регулярная жизнь уже сложившегося языка. Любое данное состояние языка всегда есть продукт исторических факторов, которые и объясняют, почему знак неизменчив, т. е. почему он не поддается никакой произвольной замене» [Соссюр, с. 74–75].

Далее Ф. де Соссюр рассматривает факторы, обуславливающие устойчивость связи между двумя сторонами языкового знака.

«1. Произвольность знака. Выше мы приняли допущение о теоретической возможности изменения языка. Углубляясь в вопрос, мы видим, что в действительности сама произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить

его. Говорящие, будь они даже сознательнее, чем есть на самом деле, не могли бы обсуждать вопросы языка. Ведь для того чтобы подвергать обсуждению какую-либо вещь, надо, чтобы она отвечала какой-то разумной норме. Можно, например, спорить, какая форма брака рациональнее – моногамия или полигамия, и приводить доводы в пользу той или другой. Можно также обсуждать систему символов, потому что символ связан с обозначаемой вещью рационально; в отношении же языка, системы произвольных знаков, не на что опереться. Вот почему исчезает всякая почва для обсуждения: ведь нет никаких оснований для того, чтобы предпочесть означающее *saeur* означающему *sister* для понятия “сестра” и означающее *Ochs* означающему *боги* для понятия “бык”.

2. Множественность знаков, необходимых в любом языке. Значение этого обстоятельства немаловажно. Система письма, состоящая из 20–40 букв, может быть, если на то пошло, заменена другою. То же самое можно было бы сделать и с языком, если бы число элементов, его составляющих, было ограниченным. Но число знаков языка бесконечно.

3. Слишком сложный характер системы. Язык является системой. Хотя, как мы увидим ниже, с этой именно стороны он не целиком произволен и, таким образом, в нем господствует относительная разумность, но вместе с тем именно здесь и обнаруживается неспособность говорящих преобразовать его. Дело в том, что эта система представляет собой сложный механизм и постичь ее можно лишь путем специальных размышлений. Даже те, кто изо дня в день ею пользуются, о самой системе ничего не знают. Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматистов, логиков и т. д. Но опыт показывает, что до сего времени такого рода попытки успеха не имели.

4. Сопротивление коллективной косности любым языковым инновациям. Все вышеуказанные соображения уступают по своей убедительности следующему: в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого; будучи распространен в некотором коллективе и служа ему, язык есть нечто такое, чем каждый человек пользуется ежечасно, ежеминутно. В этом отношении его никак нельзя сравнивать с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии, морские сигналы и пр. за-

трагивают одновременно лишь ограниченное количество лиц и на ограниченный срок; напротив, языком каждый пользуется ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Это фундаментальный фактор, и его одного достаточно, чтобы показать невозможность революции в языке. Из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор.

Однако еще недостаточно сказать, что язык есть продукт социальных сил, чтобы стало очевидно, что он несвободен; помня, что язык всегда унаследован от предшествующей эпохи, мы должны добавить, что те социальные силы, продуктом которых он является, действуют в зависимости от времени. Язык устойчив не только потому, что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он существует во времени. Эти два факта неотделимы. Связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора. Мы говорим *человек* и *собака*, потому что и до нас говорили *человек* и *собака*. Это не препятствует тому, что во всем явлении в целом всегда налицо связь между двумя противоречивыми факторами – произвольным соглашением, в силу которого выбор означающего свободен, и временем, благодаря которому этот выбор оказывается жестко определенным. Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» [Соссюр, 1999, с. 75–77].

Итак, третья аксиома языкового знака – историческая устойчивость связи между означаемым и означающим – обусловлена функциями языка и взаимосвязана с другими свойствами языкового знака.

Вопросы и задания для самоподготовки

1. Назовите аксиомы языкового знака.
2. Объясните, почему данные свойства знака названы аксиомами.
3. Что такое асимметрия знака? Все ли знаки языка асимметричны?

4. Приведите примеры асимметрии знаков в других знаковых системах.
5. В каких языковых явлениях воплощается асимметрия знака?
6. Какую роль в функционировании языка играет асимметрия? Подберите иллюстративный материал.
7. На примере языкового знака <ух> продемонстрируйте его асимметрию.
8. Как в современной лингвистике трактуется свойство членности языкового знака?
9. Проиллюстрируйте языковым материалом первый уровень членения знака.
10. Что такое фигуры языка? Какими терминами они обозначаются?
11. Подберите материал для демонстрации второго уровня членения языкового знака.
12. Членима ли морфема?
13. Членимо ли слово?
14. Всякий ли языковой знак членим?
15. Как связана теория А. Вежбицкой о семантических примитивах с аксиомой о членности языкового знака?
16. Как используется данная аксиома в семантическом анализе и словарном описании слова?
17. Какова роль исторической устойчивости связи между означаемым и означающим языкового знака в функционировании языка?
18. Приведите примеры коммуникативных и когнитивных сбоев в результате нарушения данной аксиомы.
19. Как взаимодействуют асимметрия и устойчивость языкового знака?
20. Как соотносятся произвольность и устойчивость языкового знака?
21. Какими факторами подкрепляется устойчивость языкового знака?

Глава 3

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА КАК ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ

В предыдущих главах были рассмотрены свойства языка, наличие которых позволяет признать его системой семиотической. В данной главе будет показано, что язык – это знаковая система особого рода, обладающая уникальными свойствами, которые позволяют ей быть главной системой среди других предназначенных для передачи и хранения информации.

§ 1. Универсальность языка

Язык – это универсальная знаковая система. Все другие семиотические системы специализированы, т. е. обслуживают узкую, четко ограниченную сферу деятельности человека (дорожные знаки – регулировку дорожных ситуаций, математические знаки – математические расчеты). Язык же может выступать средством общения в любой ситуации, при любом виде деятельности. Языковые знаки способны передать информацию, содержащуюся в любом из знаков другой семиотической системы. Например, значение любого дорожного знака можно передать словами: ‘стоянка разрешена’, ‘проезд запрещен’, ‘осторожно, дети’ и т. д. «Язык – это семиотика, на которую можно перевести все другие семиотики» [Ельмслев, 1960, с. 364]. Но если язык способен обслужить любую сферу деятельности человека, зачем же тогда наряду с ним существуют другие знаковые системы и создаются новые? Дело в том, что язык по своему устройству существенным образом отличается от других знаковых систем, что

делает его применение более удобным в одних ситуациях и затруднительным – в других. Исходя из обстановки, в которой осуществляется коммуникация, человек для удобства выбирает то языковые, то неязыковые знаки.

Рассмотрим пример. На перекрестке дорожное движение в норме регулируется знаковой системой «светофор». В стандартных ситуациях тех трех знаков, которые составляют данную систему, вполне достаточно для того, чтобы участники движения получали необходимую им информацию об их действиях на дороге. Но вот на перекрестке произошла серьезная авария. В такой ситуации светофор, как правило, не справляется со своей функцией, поскольку эта система не предполагает наличие знаков, способных отразить особенности сложившегося положения дел: расположения автомобилей, необходимости объезда по чужой полосе, предпочтительного движения в одну из сторон. В подобных ситуациях эффективным является применение системы других знаков – указаний регулировщика, поскольку в нее входит большее количество знаков, а самое главное, каким знаком воспользоваться в данный момент, решает регулировщик в соответствии с особенностями момента. Именно он, увидев, что скопилось много машин, например, справа, знаками будет инициировать их проезд до нормализации обстановки, круговыми движениями жезла продемонстрирует, что кому-то необходимо увеличить скорость, и т. д. В особо же сложных случаях регулировщик может взять мегафон и использовать средства языка.

Итак, в тех ситуациях, когда требуется быстрая однозначная реакция, где деятельность регламентируется немногими стандартными правилами, чаще применяют неязыковые знаки. Яркий пример этого – **дорожный знак** – броская, лаконичная картинка, которая воспринимается мгновенно, требует от всех единого понимания и немедленного выполнения. В случаях же нестандартных информативную функцию может выполнить только язык, поскольку его знаки, комбинируясь, способны отразить любую ситуацию со всеми ее особенностями, чего не могут сделать дорожные знаки, поскольку они соотносятся только с небольшим количеством наиболее частотных, типичных ситуаций.

Однако почему же тогда на дороге не используют для регулирования движения знаки языковые? Дело в том, что в обычной

дорожной ситуации у дорожных знаков имеются свои преимущества. Автомобили двигаются на большой скорости, время на восприятие информации весьма ограничено, поэтому знак должен быть лаконичным, что характерно для глобальных знаков, составляющих большинство искусственных знаковых систем. Экспонент же языкового знака линейен, т. е. представляет собой цепочку последовательно расположенных звуков или графических знаков. На восприятие такого знака необходимо значительно больше времени. Кроме того, в условиях плохой видимости отдельные элементы надписи могут быть скрыты. В этом смысле глобальный знак также надежнее. Таким образом, линейность означаемого языкового знака служит объективным фактором, снижающим возможности применения языковых знаков в условиях, где затруднено надежное восприятие означаемого.

Ситуации применения устных команд также имеют ограничения, что связано с возможностями голосового и слухового аппарата человека: без специального оборудования в условиях нормальной слышимости звуковые сигналы, подаваемые с помощью голоса человека, могут быть восприняты на расстоянии около 10 м. Если же информацию необходимо передать на значительное расстояние или если уровень шума значительно превышает уровень сигнала, расслышать голос человека проблематично. Именно поэтому предупреждение за грубую игру на футбольном поле выражается не словесно, а с помощью желтой карточки, сообщения на море передаются с помощью световых сигналов, брокеры на бирже пользуются специальными жестами.

Универсальность языка обусловлена особенностями его строения.

- Это самая большая знаковая система, включающая в себя до нескольких десятков тысяч знаков-морфем и нескольких сотен тысяч знаков-слов.

- Содержательная сторона знаков искусственных семиотических систем всегда ограничена той сферой деятельности человека, которую обслуживает данная система. Например, в систему знаков, используемых химиками, входят только буквенные знаки, называющие химические элементы, числовые индексы, отражающие количества атомов и молекул, значки, показывающие особенности протекания химических реакций. Вряд ли в такой

системе возможен знак со значением ‘главная дорога’: это не соответствует здравому смыслу.

Содержательная же сторона знаков языка чрезвычайно разнообразна и всегда соотносится со всеми сторонами жизни языкового коллектива, реагирует на любые изменения в ней. Именно поэтому языковые данные – одно из самых надежных свидетельств при изучении истории народа. Например, «взаимосвязи общеславянского языка с соседними языками дают основание предполагать, что славяне во второй половине I тыс. до н. э. занимали земли между средним течением Днепра и Западным Бугом... Очень рано, в первые века н. э., славянские племена появляются в Привислинье и у юго-восточного побережья Балтийского моря. На среднеднепровско-западнобужскую территорию указывает и древняя география некоторых слоев общеславянской лексики. В общеславянском языке широко представлены названия деревьев и растений, животных, птиц и рыб, характерных для умеренной лесной и лесостепной зоны. В то же время обозначения таких типичных представителей леса западных областей, как бук, тис, явор, центрально-европейская лиственница ... и ряд других деревьев и растений, являются сравнительно поздними заимствованиями локального (не общеславянского) характера. В общеславянской лексике имелось обилие названий озер, болот, лесов и других особенностей ландшафта, обычных для указанной территории. Характерно, что славянские национальные названия болот и озер в основном исконного происхождения ... Вместе с тем обнаруживается полное отсутствие исконной морской терминологии, названий животного мира моря, специфических особенностей гор и степей» [Филин, 1980, с. 47].

■ Язык организован так, что из набора знаков можно создать бесконечное число комбинаций, т. е. различного рода сообщений. Языковой знак – это не все высказывание, а только его часть. «Язык по своей цели – прежде всего знаковая система; чтобы полностью удовлетворять этой цели, он всегда должен быть готов к образованию новых знаков, новых слов или новых корней. Но при всей своей безграничной избыточности, для того чтобы быть полностью адекватным, язык должен быть удобным в обращении, практичным в усвоении и употреблении. При условии неограниченного числа знаков это достигается тем, что все

знаки строятся из незнаком, число которых ограничено, и предпочтительно строго ограничено. Такие незнакомы, входящие в знаковую систему как часть знаков, мы назовем фигурами; это чисто операциональный термин, вводимый просто для удобства. Таким образом, **язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков**. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи. Следовательно, имеются все основания предполагать, что в указанной черте – построение знака из ограниченного числа фигур – обнаруживается наиболее существенная черта в структуре любого языка» [Ельмслев, 2006, с. 70].

Это свойство языкового знака, состоящее в сложности строения, разложимости на более мелкие элементы, как мы уже знаем, называют членением. Свойство расчлененности языковых знаков продиктовано необходимостью передавать с их помощью огромное количество самых разнообразных сообщений. Если сравнить язык с простыми семиотическими системами вроде светофора, то мы увидим, что такие системы состоят из неразложимых, глобальных знаков, удобных для передачи ограниченного числа стандартных сообщений. Для обмена большим количеством информации, обращающейся в современном обществе, постоянно обновляющимися данными о стремительно изменяющихся ситуациях глобальные знаки не подходят.

При необходимости передать новое содержание мы, как правило, не создаем новые знаки, а используем уже имеющиеся в новых комбинациях: например, для номинации нового аппарата для исследования Луны было создано слово – комбинация хорошо известных морфем, работавших в других словах языка (*лун-: Луна, лунный, прилуниться, -о-: лесостепь, вагоноремонтный, паровоз, ход-: ходить, пароход, прохожий*).

■ Асимметрия языковых знаков также обеспечивает его использование как универсальной знаковой системы, поскольку уже имеющиеся знаки по известным всем носителям языка правилам могут быть приспособлены к передаче нового содержания. Например, любой говорящий на русском языке регулярно пользуется метонимической моделью ‘учреждение’ ↔ ‘здание учреждения’ ↔ ‘люди, представляющие это учреждение’ (*наша школа*

была открыта; наша школа отремонтирована; вся школа голо-совала), поэтому контекст вроде *Кафе требовало справедливо-сти*, в котором слово *кафе* использовано в значении ‘люди’, не указанном в словаре, будет понят абсолютно верно.

§ 2. Динамизм

Язык – это изменяющаяся, динамическая система. «Развитие языка, непрерывное и стихийное, не поддающееся контролю и планированию, загадочное и неравномерное, постоянно меняет в языке распределение семиотических связей. Новые функциональные отношения накладываются на старые, сосуществуют с ними или постепенно их изживают» [Общее языкознание, 1970, с. 171]. В любом языке найдется достаточно примеров, когда значение стало выражаться новой формой. Так, в современном русском языке значение ‘словесно выражать мысли, сообщать’ выражается не старой формой *молвить*, а новой *говорить*, значение ‘тот, кто находится в непосредственной близости от говорящего’ не словом *сей*, а словом *этот*, значение ‘внутренняя сторона кисти руки’ выражается словом *ладонь* вместо старого *длань*.

Изменение семиотических связей может наблюдаться и со стороны плана содержания. Старые формы приобретают новые значения. Так, на наших глазах многозначное прилагательное русского языка *крутой* стало весьма частотно в новом значении ‘чрезвычайный, крайний в проявлении своих свойств, качеств, взглядов и т. п.’ (*крутой рок, крутой журнал, крутые парни*). Знак может утрачивать некоторые значения. Например, предлог *против* наряду со значением противоположности, противонаправленности (*идти против всех, препарат против вируса*) имел пространственное значение (*сидеть против двери*), которое сейчас выражается предлогом *напротив*.

Язык, в отличие от прочих знаковых систем, является само-порождающим организмом, который из самого же себя создает новые единицы и структуры. Одним из проявлений динамизма языка является то, что в каждый момент его существования можно обнаружить множество промежуточных образований, не соотносимых абсолютно точно ни с одним из классов. Хорошо из-

вестны споры о том, являются ли элементы типа *for, on, up* наречиями или послелогами, а конструкции с ними (*lookfor, goon, getup*) производными словами или устойчивыми выражениями. Промежуточный характер (между словом и морфемой) имеют вспомогательные элементы в аналитических формах слов (*будет означать, более соленый, пусть укажет*, англ. *togo. hasdone, amslipping*). В морфологии такие единицы даже предлагается выделять в особую группу межуровневых единиц – клитик [Плунгян, 2000]. Эти процессы охватывают и синтаксические единицы. Придаточные предложения *кто бы то ни был* ‘любой’, *кто хочешь* ‘любой’, *откуда ни возьмись* ‘внезапно’, *во что бы то ни стало* ‘обязательно’ и подобные по форме соотносятся с предложениями, а по функции со словами.

Для всех образований такого типа справедливо положение об утрате соответствия между формой и содержанием, между функцией и устройством, внешним обликом в результате того, что форма и функции языковых элементов изменяются с разной скоростью. Устойчивость формы сильнее, чем устойчивость функции, вследствие чего функциональные преобразования происходят обычно быстрее, чем формальные. Здесь еще раз уместно вспомнить высказывание С. О. Карцевского: означаемое и означающее «постоянно скользят по наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Карцевский, 1965, с. 89].

Так, словосочетание становится функциональным эквивалентом слова. Однако оно продолжает члениться на грамматически раздельные слова: составные названия цветов *анютины глазки, львиный зев* ничем функционально не отличаются от названий *подсолнух, одуванчик*. Но их структура остается двучленной, характеризующейся наличием синтаксической связи. Подобного рода единицы обычно квалифицируются как эквивалентные слову по значению и соответствующие словосочетанию по оформлению. Аналитические формы слова определяются как единицы, функционально равнозначные морфологической словоформе, но сохранившие раздельность оформления. «Хотя в определении

подобных единиц присутствует указание на их двойственность, их функциональной стороне придается большее значение, чем их формальным чертам. Поэтому их принято относить к тому разделу грамматики, в котором изучается данный тип **функции**, а не данный тип **формы**: идиомы изучаются в лексикологии (а не в синтаксисе), аналитические формы слова – в морфологии... То, что падежные формы *шагом, утром, порой, разом* и т. п. приобрели адвербиальное значение, служит основанием отнесения их к классу наречий, несмотря на формальную тождественность творительному падежу соответствующих существительных... Можно полагать, что функциональные критерии больше соответствуют семиотическому подходу, а признаки формы существенны постольку, поскольку они позволяют судить об изменении формы» [Общее языкознание, 1970, с. 175].

Язык чрезвычайно гибок, его единицы в очень большой степени способны и склонны к изменениям, у них имеется потенциальная возможность функционировать в большом количестве контекстов и в зависимости от задач, поставленных этим контекстом, варьироваться то в плане выражения, то в плане содержания. Именно за счет этих качеств язык и способен быть универсальной знаковой системой, т. е. в любых условиях быть равным самому себе: обслужить любую коммуникативную потребность общества.

На одной из конференций лингвистам было предложено придумать фразы, правильные грамматически, но не имеющие смысла. Однако для каждой из этих фраз всегда удавалось найти контекст, в котором она выглядела осмысленной. Даже для классической фразы «*Идея яростно спит*», попавшей во все работы по лингвистике как образец бессмысленной, но грамматически правильной, академик И. И. Ревзин смоделировал подобный контекст:

*Идея яростно спит,
Ворочается во сне...
Идея в висках стучит,
Нашептывая мне.*

В контексте данного четверостишия фраза имеет совершенное понятное содержание и не выглядит искусственным построением. Таким образом, ни в грамматике, ни в семантике языка нет

строгих ограничений в использовании знаков, как в остальных кодах. Язык функционирует на основе других принципов, один из важнейших – это динамизм, способность к изменениям, обусловленная функциональной предназначенностью языка в любой момент в любой ситуации передать и сохранить информацию.

§ 3. Устойчивость

Язык – специфическая знаковая система, способная за счет своего динамизма приспосабливаться к любой ситуации и всегда соответствовать своей предназначенности быть средством коммуникации. Но наряду с коммуникативной функцией язык выполняет еще и когнитивную – выступает средством хранения и передачи накопленных знаний. Для того чтобы язык был способен выполнить данную функцию, свойство динамизма уравновешивается в нем свойством устойчивости.

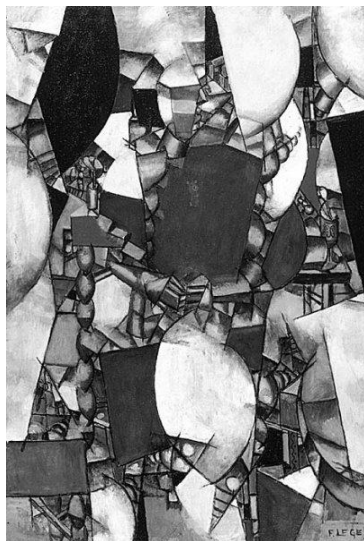
Если соотнести изменения, происходящие в языках, с фактором времени, то легко убедиться в постепенности языковых преобразований. Морфологическая и синтаксическая системы языков являются необыкновенно устойчивыми. Изменения в системе падежей или времен в русском языке происходили примерно десять веков назад. С тех пор никаких кардинальных новаций не наблюдается. Самой динамичной, пожалуй, является лексическая система языка, которая за счет номинативной функции слова самым непосредственным образом связана с изменениями в окружающем мире реалий и отражает эти изменения, что и приводит к появлению новаций в лексике. Однако в современных языках и лексика, чтобы выполнять свою функцию, должна быть весьма устойчива.

«Как всякий организм, язык, эволюционируя, остается функционально тождественным самому себе. В этом отношении его уместно противопоставить семиотике искусств. Смена выразительных средств в искусстве может происходить в иных случаях резко и решительно, так что члены общества перестают понимать его язык. Появление новых течений в живописи и поэзии нередко обрывает коммуникацию между художником и зрителем, поэтом и слушателем до тех пор, пока аудитория не научится соотносить

знак с явлением. Еще и сейчас широкая публика не принимает язык Пикассо и Леже, Врубеля и Сарьяна (рис. 11). Это, однако, вызывает лишь споры в выставочных залах, но не нарушает нормальной жизни общества, не ведет к его краху, подобному тому, который, согласно преданию, последовал за строительством вавилонской башни. Резкое и внезапное изменение системы языковых знаков невозможно. Язык развивается исподволь, шаг за шагом, медленно и едва заметно для общества перестраивая свою структуру. Заменяя одни средства другими, он не перестает в то же время выполнять роль основного средства коммуникации. Постепенность развития языка при непрерывности исполнения им коммуникативной функции, более того, прочная связанность этих явлений (язык развивается только в процессе коммуникации), ведет к тому, что в каждом синхронном состоянии языка присутствует большое количество единиц и категорий, лишь частично изменивших свое качество, находящихся в процессе преобразования. Наличие переходных, промежуточных элементов резко отличает язык от искусственно созданных семиотических систем» [Общее языкознание, 1970, с. 171–172].

П. Пикассо
«Дама в саду»

Ф. Леже
«Женщина в синем»

Рис. 11

Семиотические связи изменяются, но эти сдвиги происходят постепенно. Новые связи между означающими означаемым чаще формируются на основе уже имеющихся. Так, сложные слова нередко возникают из словосочетаний (*нижеподписавшиеся, дикорастущий, умалишенный, местожительство, сногшибательный*). Выбор слитного или раздельного оформления такого знака в письменной речи фактически является результатом дифференциации лексической и синтаксической единицы¹³. В языках имеется значительная группа так называемых производных служебных слов. По происхождению они из знаменательных. Старая форма получила в них новое содержание: они уже называют не реалии действительности, а отношения между ними: *ввиду, в течение, несмотря, благодаря, хотя*). Таким образом, язык как знаковая система динамичен и устойчив в диахронном аспекте.

Диалектическое взаимодействие этих свойств языковой системы в целом и отдельных знаков наблюдается и синхронно. А. М. Пешковский сказал об этом так: «Мы должны различать два образа: один, возникающий в нас при произнесении отдельного слова, а другой – при произнесении словосочетания с этим же словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного множества вторых. Но статически это не меняет дела. Все же этот образ есть, это «отвлечение» не есть плод наших научных размышлений, а живой психологический факт, и он может даже вопреки действительности представляться как сущность, а конкретные образы слов и словосочетаний как модификация этой первосущности» [Пешковский, 1952, с. 93].

Например, слово *огонь*¹⁴ вне контекста может пониматься разнообразно, поэтому информация, которую несет его означаемое, весьма неопределенна, ничтожна. Слушающий еще не знает, о каком явлении идет речь (пожар, свеча, реальный это огонь или воображаемый, метафорический), какое из возможных пониманий слова он должен выбрать. Но все-таки получатель информации уже что-то знает, и это значение социально. Зная только его, носитель языка предполагает немногие признаки: ‘горячий’, ‘горящий’, ‘жгущий’. Но это немногое является общим для всех но-

---

¹³ См., например сложнейшее правило орфографии, которое базируется на разграничении сложных прилагательных и словосочетаний наречие + причастие в [Кайдалова, Калинина, 1983, с. 96–105].

¹⁴Пример из [Кобозева, 2000].

сителей языка. Все они имеют одинаковые ожидания по отношению к дальнейшей информации.

Когда мы рассматриваем языковое выражение в речи, его значение уточняется, так как каждый участник коммуникации вкладывает определенное содержание в то, что он говорит или воспринимает, т. е. соотносит языковой знак с определенной ситуацией, приспособливает его для передачи информации о ней. В предложении *Погаси огонь*, сказанном перед горящим камином, слово *огонь* будет означать ‘горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя’, а в предложении *Огонь в душе* – уже ‘сильное чувство, страсть’. Таким образом, значение знака вне контекста диалектически связано с любым его речевым значением. Внеконтекстуальное значение есть абстракция от речевых значений, формируется на их основе, но первое в то же время служит семантическим базисом для последних и является тем постоянным, что не изменяется в знаке. Вместе в тем это значение настолько неконкретно, обобщенно или абстрактно, что позволяет по определенным правилам изменять знак, с легкостью приспособливая его к огромному количеству конкретных коммуникативных ситуаций.

С. О. Карцевский утверждал, что «если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский, 1965, с. 85].

Итак, свойства динамизма и устойчивости уравнивают друг друга. Они позволяют языку быть одновременно средством, достаточно гибким для того, чтобы быть способным соответствовать изменяющимся условиям, но при этом настолько традиционным, чтобы обеспечивать не только непосредственное общение, но и передавать информацию через время, подчас довольно продолжительное. «Исторический фактор преемственности господствует в нем полностью и исключает возможность какого-либо общего и внезапного изменения» [Соссюр, 1999, с. 74].

Вопросы и задания для самоподготовки

1. Назовите свойства языка, отличающие его от других знаковых систем.
2. В чем проявляется универсальность языка?
3. Продемонстрируйте специализированность искусственных знаковых систем.
4. Какие свойства языковых знаков обеспечивают универсальность языка? Подберите иллюстративный материал.
5. Как связан динамизм языка и его функции?
6. Как проявляется динамизм языка в диахронии? Подберите примеры.
7. Как проявляется динамизм языка в синхронии? Подберите примеры.
8. Какие свойства языкового знака поддерживают динамизм системы?
9. Как устойчивость языка связана с его функциями?
10. Как проявляется устойчивость языка в диахронии? Подберите примеры.
11. Как проявляется устойчивость языка в синхронии? Подберите примеры.
12. Какие свойства языкового знака обуславливают устойчивость системы?
13. Как вы понимаете слова С. О. Карцевского: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток»?
14. Есть ли в языке элементы, которые ничего не значат за пределами конкретных ситуаций?
15. Как соотносятся свойства динамизма и устойчивости?

Глава 4

ОЗНАЧАЕМОЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Цель создания любой знаковой системы – обмен информацией, средство такого обмена – знак. Именно поэтому, уже по определению, любой знак нечто выражает, на что-то указывает. Рассмотрим, что же обозначается в ходе обмена знаками и какие типы информации может передавать языковой знак.

Как отмечают классики семиотики, процесс функционирования знака включает три составляющих: знаковое средство – тот объект или явление, которое выступает как знак; десигнат – то, на что указывает знак, что он выражает; интерпретатор, или пользователь, – тот, кто использует знак [Моррис, 2001]. Исходя из этого в семиотике выделяются и рассматриваются отношения трех типов: семантические – отношение знака к его десигнату; синтаксические – отношение знака к знаку, прагматические – отношение знака к интерпретатору. Эти три типа отношений позволяют говорить о семантике, синтактике и прагматике как трех аспектах знака, каждый из которых становится объектом специального изучения в рамках трех дисциплин: синтактики, семантики и прагматики.

§ 1. Семантика языкового знака

Важнейшей стороной знака является его семантика, т. е. отношение к тому, что он выражает, обозначает (к десигнату, по Ч. Моррису).

Как известно, языковой знак (прежде всего слово) соотносится как с миром реальности, так и с мышлением¹⁵, он способен

---

¹⁵В языкознании принято говорить о предметной и понятийной отнесенности слова [см., например, Маслов, 1987, с. 29].

указывать на фрагменты действительности (в таком случае слово выполняет свою номинативную функцию) и быть связанным с единицами мышления (в этом случае слово выполняет сигнификативную функцию). В связи с такой двоякой отнесенностью языкового знака в его семантике принято выделять денотативный и сигнификативный слой.

1.1. Денотативный слой значения языкового знака формируется на соотношении *знак ↔ действительность*. Объект реальной действительности или класс обозначаемых знаком фактов называется **денотат** (от лат. *denoto* ‘обозначаю’) [Апресян, 1995, с. 60; Кобозева, 2000]. Денотативный слой значения знака – это передаваемая словом или морфемой информация о внеязыковой действительности, о реальном или воображаемом мире. Например, собственное имя *Ангара* называет реку Ангару, а сама река является денотатом знака *Ангара*. Существительное *летчик* обозначает либо класс людей, управляющих летательным аппаратом (*Летчик – важная профессия*), либо конкретного человека данной профессии¹⁶ (*Летчик вошел в кабину*). Таким образом, денотатом данного знака является либо класс таких людей, либо названный человек.

Денотативный слой значения языкового знака чаще соотносится с чувственно воспринимаемыми характеристиками объекта. Например, слово *стакан* для носителя русского языка примерно обозначает ‘предмет из стекла определенной формы, определенного размера, предназначенный для питья’. Все это признаки объекта-денотата, о которых мы узнаем с помощью зрения, осязания и по которым мы опознаем называемый объект. При использовании слова *сладкий* носитель языка прежде всего опирается на свой чувственный опыт, на свои знания о вкусе, который может быть обозначен данным знаком. Сложно описать этот вкус, но каждый его узнает и каждый поймет, о чем идет речь, если услышит слово *сладкий*. Этот вкус и есть денотат данного знака.

---

¹⁶ Некоторые авторы предпочитают разграничивать денотат как класс объектов (если знак употреблен в общей предметной отнесенности, т. е. называет класс объектов: *Капуста – любимая пища кроликов*) и референт (если знак употреблен в частной предметной отнесенности, т. е. называет конкретный объект или объекты: *Он кормит кролика капустой. Капуста – любимая пища моих кроликов*).

1.2. Сигнификативный слой значения языкового знака формируется на основе соотношения **знак** ↔ **мышление**, связан с основной единицей мышления – понятием¹⁷ (от лат. *signifiko* ‘подаю знак, сигнализирую’, от *signum* ‘знак, сигнал’ и *facio* ‘делаю’), – содержание которого и является сигнификатом знака. Если рассматриваемый знак является словом, то оно в рассматриваемом случае выполняет сигнификативную функцию. Сигнификат обычно противопоставляется денотату, поскольку отличается своей природой, т. е. относится не к миру реальности, как денотат, а к миру ментальному.

1.2.1. Сигнификативный компонент означаемого фиксирует не сам объект, а то, как последний отражается в сознании носителей языка, т. е. некую абстракцию как результат познавательной деятельности человека. В ходе наблюдения за внеязыковой действительностью человек выделяет в окружающих его объектах общие и отличительные признаки. На основании обобщения существенных признаков и абстрагирования от несущественных формируется понятие об объекте, т. е. знание о том, какими признаками должен обладать представитель данного класса, чем отличается от представителей других классов. Сигнификативный слой значения языкового знака отражает совокупность таких признаков. Например, гора и вулкан – это большие возвышенности конусообразной формы природного происхождения. Эти признаки у данных классов одинаковые, отличие состоит в наличии у класса **вулкан** признака ‘на поверхность может выбрасываться лава’, на основании которого вулканы выделяются в особый класс натурфактов. В то же время указанные общие признаки позволяют отличить горы и вулканы от возвышенностей искусственного происхождения (насыпь), другой формы (вал, бруствер), другого размера (бугор, кочка).

Заметим, что сигнификативный компонент отражает не все признаки, а только те или тот единственный, который необходим для опознания объекта **как представителя данного класса**. Например, несмотря на то что любая гора где-то находится, т. е. это свойство имеется у любого представителя данного класса объектов, в сигнификат слова *гора* признак ‘локализация’ не входит,

---

¹⁷ Понятие- форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств [Новейший философский словарь].

поскольку по данному признаку в русской языковой картине мира большие конусообразные возвышенности не различаются. А вот для класса **бруствер** такой признак значим, т. к. бруствером является только насыпь вдоль окопа. Отсутствие этого признака заставит человека включить возвышенность в другой класс, например, **насыпь**, **вал**. Значит, признак 'расположение вдоль окопа' входит в сигнификат слова *бруствер*.

В разных языковых картинах мира членение объектов на классы может различаться. Известно, что в английском языке есть два разных слова для обозначения двух видов часов: *clock* [klok] 'часы напольные, настольные, настенные, «будильные»' и *watch* [wɒtʃ] 'часы наручные или карманные'. Само наличие этих двух слов говорит о том, что на основании способности/неспособности звонить часы делятся на два класса. Значит, сигнификат английских слов *clock* и *watch*, кроме признака 'бытовой прибор для измерения времени' включает еще и признак 'способность/неспособность звонить', который не входит в сигнификат русского слова *часы*.

Поскольку сигнификативный слой означаемого отражает признаки, на основании которых объект включается в тот или иной класс, многие лингвисты считают, что, например, у имен собственных сигнификата нет. Почему? Рассмотрим пример. Некий объект назвали Василий. Что это за объект, какими признаками он обладает? Почему ему присвоено такое имя? На все эти вопросы мы ответить не можем. Даже ответ, что это мужчина, будет неверным, ведь Василием можно назвать кота, быка и даже автомобиль или корабль. Даже то, что это имя мужское, поддерживается только русской традицией. Я знакома с девушкой-немкой по имени Федя. Это слово может применяться так широко, поскольку оно называет отдельный предмет не по его принадлежности к классу, а просто является этикеткой для опознания конкретного объекта. Собственное имя, в отличие от слов с заполненным сигнификативным слоем, никак не характеризует объект, не закрепляет в своем значении его существенных признаков. Это происходит в том числе и потому, что в языковой картине мира не существует такого класса ***Василий**.

Но, как представляется, не все собственные имена лишены сигнификата. Например, название марки автомобилей «Мерсе-

дес» (слово «*Mercedes*») закрепляет набор свойств этого вида машин: мощность, уровень комфорта дизайн и т. д. Этими качествами «*Mercedes*» отличается от других классов машин, по ним опознается и включается в класс (относится к марке). Поэтому у такого собственного имени сигнификат есть. Пользователь социальной сети «В контакте» Александр Васильченко спросил: «Как Вы называете свой «*Mercedes*»? Владельцы этой марки автомобиля называли следующие слова: *Мурз, Мусик, Моя Бэбичка, Рыбка Пушистая* и даже *Степка, Геннадий, Палыч, Гюнтер, Матильда*. Характерно, что все слова написаны с заглавной буквы. Они мыслятся пользователями как собственные имена конкретного автомобиля – единичного представителя данной марки, данного класса автомобилей.. Но почему, на основании каких признаков объекта именно такое имя придумал каждый владелец, какими особенностями машины это обусловлено, мы сказать не можем¹⁸. Таким образом, данные имена собственные не закрепляют никаких свойств называемого объекта, т. е. не имеют сигнификата.

1.2.2. Сигнификативный компонент «отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п.» [Апресян, 1995, с. 57], т. е. то, как этот объект мыслится в обыденной жизни. Так, широко известен пример Л. В. Щербы о различиях в содержании научного и бытового понятия **прямая линия**: ‘кратчайшее расстояние между двумя точками’ и ‘линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз’, рассуждения Ю. Д. Апресяна о понятии **высота** [Апресян 1995, с. 58–59]. Сигнификат имени *мама* включает в свой состав признаки ‘человеческое существо’, ‘женского пола’, ‘родитель некоего Х-а’, сигнификат глагола *спать* включает в свой состав такие свойства ситуаций данного класса, как ‘физическое состояние живого существа’, ‘форма отдыха’, ‘с максимально возможным без ущерба для организма отключением систем последнего’¹⁹.

В словарной дефиниции традиционного толкового словаря отображается прежде всего сигнификативный слой значения слова: *бор* ‘сосновый лес’ (толкование указывает на два признака:

---

¹⁸ Хотя владельцы иногда приводят мотивацию: *Гюнтер* - хорошее немецкое имя, *Лягушонок* – SL похож на него, а мой красный, поэтому *Марс*.

¹⁹ Примеры И. М. Кобозевой.

‘быть лесом’, ‘состоять из сосен’), *давний* ‘бывший, происшедший давно, задолго до настоящего времени’ (в толкование включены признаки ‘иметь место’, ‘в прошлом’, ‘длинный временной промежуток’), дарить ‘отдавать безвозмездно кому-л. Другому’ (‘делать’, ‘чтобы имел другой’, ‘безвозмездно’).

1.3. Различие между денотатом и сигнификатом проявляются и в том, что один денотат может быть обозначен языковыми знаками с разным сигнификатом. «Классическим примером этого расхождения являются фразы *«центр тяжести треугольника и точка пересечения медиан»*, эти имена задают реально один и тот же объект действительности, но позволяют мыслить его по-разному» [Апресян, 1995, с. 60], т. е. выделяют в нем разные признаки в зависимости от целей общения.

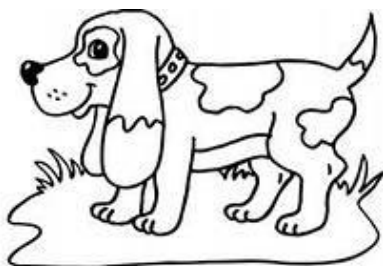
Рассмотрим пример. В магазине, чтобы что-то купить, мы должны обратиться к человеку, стоящему за прилавком. Согласно русскому речевому этикету, речь должна начинаться с обращения. Перед нами сложнейшая коммуникативная задача. Человек за прилавком обладает некоторыми признаками: ‘человек’, ‘пол’, ‘возраст’, ‘цвет волос’, ‘цвет глаз’, ‘рост’, ‘род занятий’, ‘место жительства’ и др. Чаще в такой ситуации основанием для номинации покупатели выбирают либо признак ‘пол’ и называют продавца *женщина*, либо признаки ‘пол’ и ‘возраст’ и тогда используют обращение *девушка*. С прагматической точки зрения эти номинации неоправданны, поскольку в данной коммуникативной ситуации актуализированные признаки абсолютно неважны. Использование же признака ‘возраст’ ошибочно по отношению к женщине и с этической точки зрения, а указание на пол в некоторых европейских странах и США вообще может преследоваться по закону. Весьма странно будет воспользоваться в данной ситуации и другими признаками и назвать продавца *блондинка, кареглазая, дочь, соседка Ивана Петровича* или *иркутянка*. В ситуации купли-продажи прагматически значимым является признак ‘профессия’, однако обращение *продавец* не принято, *товарищ продавец* устарело, а *госпожа продавец* выглядит напыщенно. В хороших магазинах эту сложнейшую задачу помогает решить бейдж с именем продавца. Итак, в зависимости от ситуации говорящий может воспользоваться разными знаками для называния одного и того же объекта, осмысляя этот объект по-разному.

В таком случае знаки будут тождественны денотативно, но при этом иметь сигнификативные различия.

Таким образом, в означаемом языкового знака различаются денотат как просто объективный предмет, независимый ни от какого его обозначения, и сигнификат, соотносящийся с этим объективным предметом, но который уже рассмотрен с познавательной и ономазиологической точки зрения и в котором поэтому уже выделены и подчеркнуты одни свойства и отодвинуты в сторону другие.

1.4. Степень заполненности денотативного и сигнификативного слоя означаемого у разных языковых знаков различна.

1.4.1. «Это особенно заметно при сопоставлении конкретной и абстрактной лексики. Конкретная лексика – слова, денотатами которых являются образные представления о реально существующих материальных объектах, свойствах и проявлениях материальных объектов, например, *альбатрос*, *мальва*, *стакан* или о свойствах и проявлениях материальных объектов, воспринимаемых органами чувств, например, *красный*, *мерцать*. У слов этого типа денотативное значение «преобладает над сигнификативным»... Описание значений этих слов естественно выливается в изучение тех объектов, которые они называют. Так, желая описать значение слова *стакан*, мы будем мысленно сопоставлять стаканы с другими предметами для питья – чашками, кружками, рюмками и т. п., и только таким образом выведем такие признаки стакана, как цилиндрическая форма (в отличие от чашки), тонкостенность (в отличие от кружки) и т. п. [Кобозева, 2000, с. 83]. Толкование значений такого типа слов возможно заменить картинкой в словаре, схемой, т. е. демонстрацией называемого объекта. Эффективно это только в тех случаях, когда у слова заполнен денотативный слой, т. е. с ним действительно ассоциируется некоторый образ эталонного представителя соответствующей категории предметов, признаков. Например, для изучения окружающего мира, т. е. предметов и их названий часто используют обучающие плакаты для детей с картинкой и подписью, этот способ результативен и при запоминании конкретной лексики иностранного языка (рис. 12):

dog

pear

Рис. 12

Отмечая заполненность денотативного слоя, следует отметить, что и сигнификативный слой у слов данной группы также заполнен, поскольку мы всегда можем перечислить существенные признаки называемого словом класса и тем самым определить его: *маслёнок* ‘съедобный трубчатый гриб со слизистой кожицей на желто-коричневой шляпке’, *лежать* ‘находиться всем телом на чём-н. в горизонтальном положении’, *каменистый* ‘содержащий много камней’.

Если вернуться к цитате из учебника И. М. Кобозевой, следует отметить, что несмотря на то, что все названные ею слова относятся к конкретной лексике, соотношение денотативного и сигнификативного слоев значения у них разное. У слов *альбатрос*, *мальва*, *стакан*, а также *гора*, *водный*, *идти*, *громкий*, *ароматный*, *большой*, *лежать*, *расти*, *бороться*, *снег*, *ветер* денотативный и сигнификативный слои заполнены в одинаковой степени и отличаются только тем, что информация, которую несет денотативный слой, соотносится с миром реальности, а информация, которую выражает сигнификативный слой, связана с мыслительными категориями.

Со словами же вроде прилагательного *красный* дело обстоит несколько иначе. Недаром толкование значения таких слов для лексикографов до сих пор не до конца решенная проблема. Как мы уже говорили, дефиниция отражает сигнификативный слой значения знака, т. е. в ней необходимо перечислить существенные признаки класса объектов. Описать же красный или синий цвет в наивных категориях (а следовательно, определить сущест-

венные признаки, т. е. сигнификат) невозможно. Существуют, конечно, определения в терминах физики: Когда длина волны колеблется в пределах от 400 до 470 нм (нанометров – 10 в минус девятой степени метров), воспринимаемое глазом поле при среднем уровне освещенности кажется фиолетовым, а при 475 нм – оно обычно кажется синим. Однако это абсолютно не помогает узнать, какой же признак называется в русском языке словом *синий*. «Цветобозначения усваиваются наглядно (остенсивно), т. е. их значение основано на наглядности... Мы слышим, как слово *blue* (*синий, голубой*) применяется к разнообразным предметам, и узнаем на этом основании, что имеется в виду под *синий*. *Синий* значит 'то, что люди называют *синий*'» [Вежбицка, 1996, с. 237]. На бытовом уровне люди не выделяют (или не могут выделить) в цвете, вкусе, звуке каких-то отдельных существенных определяющих признаков, поэтому в означаемом слов, называющих такие денотаты, хорошо заполнен денотативный слой и слабо заполнен сигнификативный. Определяя значение слова *горький*, из отличительных свойств мы можем назвать только обобщающий признак 'вкус', но это не является исчерпывающим описанием того, что же в русском языке обозначено данным словом. Свойство 'вкус' никак не отличает *горький* от *солёный, сладкий, кислый*. При этом любой носитель языка знает, что перед нами слова с разным значением и что имеется в виду, когда каждое из этих слов используется. Поэтому в толковании слов, в семантике которых наблюдается крен в сторону денотата, некоторые исследователи предлагают использовать формулы типа

red – цвет, осознаваемый как цвет крови;

X – *красный*

когда люди видят что-то, подобное *X*-у, они могут подумать об огне

когда люди видят что-то, подобное *X*-у, они могут подумать о крови;

X – *жёлтый*

когда люди видят что-то, подобное *X*-у, они могут подумать о солнце

(примеры из [Вежбицка, 1996]).

Как мы видим, при описании семантики подобных слов предлагается использовать отсылку к чувственному опыту, т. е. к знанию о денотате. Отсутствие опыта делает невозможным понимание подобных знаков. Можно объяснить человеку что *сладкий* значит 'такой, как вкус у сахара', т. е. отослать к денотату, но

только в том случае, если у человека есть соответствующий опыт, т. е. он пробовал сахар.

1.4.2. Абстрактная лексика – это слова, обозначающие сущности, не имеющие место в действительности, а выработанные человечеством, соотносимые с понятиями, полученными в результате логической операции абстрагирования. Такие понятия и знаки не соотносятся напрямую ни с какими объектами в окружающем мире: *феномен, чувство, власть, свобода, идеал, культура фактор, развитие, творчество, самосознание, осмысление, длительность, интенсивность, интеграл, протекание*. Объяснить, что значит такое слово, можно через описание признаков, которые составляют содержание соответствующего понятия. Например, *развитие* ‘процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему’. При этом показать развитие непосредственно невозможно. Его можно продемонстрировать через наблюдение за изменениями, происходящими с каким-то объектом, т. е. можно обнаружить только косвенно, так же, как нельзя увидеть любовь, жалость. Чувства будут проявляться в поведении человека. Однако объяснить, что такое жалость и что обозначает слово *жалость*, хоть и непросто, но можно. «В значениях такого типа слов рациональный сигнификативный слой преобладает над конкретно-чувственным денотативным, который в предельном случае может быть вообще пуст (т. е. с данным словом в сознании не ассоциируется никакой конкретный образ)» [Кобозева, 2000, с. 84]: *фонема, абстракция, закон*.

1.5. Рассмотрим семантику следующих знаков: *картина, фреска, шедевр, творение Рафаэля, «Тайная Вечеря»*. Если все они называют один и тот же объект, то можно говорить о тождестве денотативного компонента их семантики. В то же время эти знаки по-разному характеризуют объект, акцентируя внимание на разных его свойствах: слово *картина* выделяет в объекте признак ‘вид искусства – живопись’, *фреска* – ‘техника исполнения’, *шедевр* – ‘образцовость’, *творение Рафаэля* – ‘автор’. Поскольку мы определяем объект через его признаки, следовательно, эти признаки составляют сигнификативный компонент семантики и можно говорить, что сигнификативный слой хорошо заполнен.

Номинация «*Тайная Вечера*» характеризует денотат только в той мере, в какой получатель информации культурно развит и образован. Само по себе название не характеризует объект, так как не закрепляет никаких его признаков. Поэтому можно говорить о заполненности лишь денотативного слоя семантики подобного знака.

1.6. Соотношение знака с категориями реального мира и категориями мышления, т. е. семантика знака, демонстрируется в одной из получивших широкое распространение графических моделей знака – «семантическом треугольнике» Ч. К. Огена и А. А. Ричардса (1923 г.)²⁰ (рис. 13).

Рис. 13

Этот треугольник отображает положение о том, что знак соотносится с обозначаемым предметом не непосредственно, а опосредованно (это выражается в схеме пунктирной линией), через обращение к понятию. «Семантический треугольник» объясняет, как происходит номинация, т. е. как из всего многообразия языковых форм человек выбирает именно данную для называния данного объекта в данной коммуникативной ситуации.

Перед говорящим находится объект, о котором необходимо сообщить. Говорящий рассматривает его и видит, что это, например, прямоугольник, сделанный из красного картона, с логотипом магазина и надписью 5 %. Как называть объект? Кто-то использует знак *картонка*, кто-то *картинка*, кто-то *нечто*. Каждый участник акта коммуникации из всех признаков предмета обратит внимание только на тот (или те), который представляется важным в данный момент.

---

²⁰ Английские лингвисты Чарльз Огден (1889–1957), Айвор Ричардс (1893–1979), книга «Значение значения» (The Meaning of Meaning).

Например, для девушки, собирающейся в магазин, значима именно функция этого предмета, все же остальные признаки безразличны. Далее человек соотносит этот избранный признак или признаки со своими знаниями о мире, с той совокупностью понятий, которая имеется в его сознании, и включает требующий названия предмет в определенный класс объектов, обладающих этим признаком. В нашем случае – к классу объектов, дающих право на скидку в магазине. Далее говорящий обращается к своему знанию языка и соотносит избранное понятие со знаком, предназначенным в данном языке для названия. В русском языке это словосочетание *дисконтная карта*, в английском *discountcard*, в немецком *Rabatt-Karte*. Так происходит присвоение имени предмету. Таким образом, говорящий при соотнесении вещи со знаком двигается от вещи через изучение ее свойств, выбора важного для номинации признака и абстрагирования от неважных и приходит к понятию. А далее он избирает из всего арсенала знаков тот, который в данном языке является именем этого понятия и присваивает этот знак объекту номинации.

Другой пример. Ребенок 2,5 лет назвал нерпу *киса*. Конечно, это ошибочная номинация, но она также демонстрирует связь знака и денотата, опосредованную понятием. Главной причиной выбора слова *киса* стало не незнание языка, а то, что у ребенка пока не было информации о таком виде животных, как нерпа, у него пока не сформировано понятие **нерпа**. Таким образом, причина не лингвистическая а ментальная, когнитивная. Ребенок осмотрел животное, нашел в нем некоторые признаки и сопоставил их со своими знаниями о мире. У этого нового для ребенка животного круглая голова, усы, милое выражение «лица». Так нерпа была включена в один из известных ребенку 2–3 лет классов животных – кошек. В словаре, которым владеет данный носитель русского языка, этот класс называется *киса*.

Так в речевой деятельности реализуется связь знака, действительности и мышления: знак обозначает вещь посредством понятия, ассоциированного с определенной формой в умах говорящих на данном языке.

§ 2. Синтактика языкового знака

Одним из свойств знака, и языкового знака в том числе, является системность, т. е. взаимозависимость знаков, которые составляют семиотическую систему, проявляющаяся в наличии отношений между знаками. На соотношении **знак ↔ знак** базируется синтаксический слой значения знака. Синтактика знака включает в себя информацию о сочетаемости знаков при их использовании. В языке выделяют 3 типа сочетаемости.

2.1. Синтаксическая сочетаемость. В данном случае сочетаемость регулируется законами синтаксиса конкретного языка. Например, для русского языка такими всеобщими законами являются правила согласования (*очередной успех / очередная победа / очередное свершение*), управления (*победить врага / одержать победу над врагом, считать работу законченной / что работа закончена / рассматривать работу как законченную*) и грамматической координации (*страна победила / народ победил*).

Рассмотрим пример. Как известно, в разных коммуникативных ситуациях можно назвать работника, ведающего делопроизводством учреждения, предприятия, *секретарь* или *секретарша*. Поскольку номинирован будет один и тот же объект действительности, то можно говорить о том, что у данных знаков денотативный слой значения одинаковый. Во многом также совпадает и сигнификативный слой, поскольку номинация осуществляется на основе одинаковых признаков объекта ‘человек’, ‘профессия’, ‘делопроизводство’. Сигнификативные отличия состоят лишь в наличии в сигнификате слова *секретарша* компонента ‘женскость’ и отсутствии такового у слова *секретарь*. Если же говорить о правилах употребления данных слов в тексте, то в русском языке обнаруживаются различия, связанные с **родовой** принадлежностью слов: согласуемые с *секретарь* и *секретарша* слова должны повторить их грамматические признаки (*новый секретарь Петрова – новая секретарша Петрова*). А вот сочетаемость со сказуемым в данном случае специфическая, она не подчиняется общим законам грамматической координации: «требование обозначения, т. е. необходимость сообщения о поле называемого лица» [Русская грамматика, 1980] обеспечивается следующим правилом: «род глагола в форме прош. вр. (или

сослагат. накл.) обозначает пол названного существительным лица, а форма согласуемого прилагательного указывает на морфологический род этого же существительного» [Русская грамматика, 1980] (*Новый секретарь Петрова пришла на работу.* – *Новая секретарша Петрова пришла на работу.*).

Как известно, подобные законы не действуют в английском языке: синтаксис в нем достаточно редко накладывает ограничения на выбор морфологической формы слова при использовании его в предложении. Например, в *present indefinite* при выборе формы сказуемого следует учитывать число подлежащего (*he gives* ‘он дает’, *they give* ‘они дают’ / **he give*, **they gives*).

2.2. Семантическая сочетаемость состоит в том, что при составлении сообщения учитываются семантические признаки синтаксически связанных знаков. «О семантических... ограничениях на сочетаемость *Л* разумно говорить лишь в тех случаях, когда любое слово *В*, имеющее требуемый семантический признак, способно сочетаться с *Л*. Так, дополнением при *арендовать* могут быть и имена угодий (*арендовать земельный участок, лес с пашней, озеро*), и имена (крупных) помещений (*арендовать зал, клуб, заводское общежитие*), в то время как при квазисинонимичном ему глаголе *снимать* ту же роль выполняют обычно имена помещений (*снимать дачу, спортзал, угол*), но не угодий (плохо **снимать лес с пашней*). *Ухудшаться* и *улучшаться* могут только состояния, способности, процессы (*Погода ухудшилась/улучшилась, Зрение/поведение ухудшилось/улучшилось*), но не конкретные вещи или лица (нельзя **Ручка ухудшилась/улучшилась, *Петр ухудшился/улучшился*), хотя этот семантический сочетаемостный запрет никак не связан с лексическим значением рассматриваемых глаголов: *ухудшаться* (*улучшаться*) = ‘становиться хуже (лучше)’, а словосочетания *становиться хуже* и *становиться лучше* свободно сочетаются с именами вещей и лиц в роли субъекта: *Ручка стала хуже (лучше), Петр стал хуже (лучше)* [Апресян, 1995, с. 62–63].

Глаголы *пить* и *есть* обозначают ‘глотать, поглощать для утоления жажды, голода’, однако их употребление регламентировано правилами семантической сочетаемости: пить можно только то, что считается у русских жидким (воду, чай), а есть то, что считается густым (яблоко, кашу, суп). Кисель можно и есть, и

пить в зависимости от его консистенции. При этом чаще очень важным является не реальная густота продукта, а интерпретация этого свойства, т. е. компонент ‘считается’, поскольку каша или суп может быть не гуще сока с мякотью, однако поглощение каши и супа в русском языке принято обозначать словом *есть*, а сок – *пить*. Как представляется, важным здесь является и способ поглощения: едят часто с применением приборов (ел ложной, вилкой и ножом). Поэтому ситуации, обозначенные в предложениях *Ел йогурт* и *Пил йогурт* будут различаться именно в этих составляющих: в первом случае человек поглощает нечто густое, возможно, и скорее всего, ложкой, а во втором нечто более жидкое и скорее всего через край емкости.

В последнее время в речи стали появляться предложения вроде *Экстремально комфортно!* Однако «слово *экстремальный*, в отличие от своего английского прототипа, не просто указывает на высшую степень какого-либо качества, но всегда связано с трудностями и опасностями, а вовсе не с комфортом» [Левонтина]. Таким образом, будучи синонимом слова *очень*, *экстремально* имеет ограничения на сочетаемость, поскольку может употребляться только со словами, называющими реалии, которые могут быть связаны с опасностью: *спорт, езда* и т. п. Слово, не соотносимое с такого рода явлениями, но все же употребленное со словом *экстремальный*, начинает интерпретироваться соответствующим образом: случилось что-то опасное (*экстремальный бег, поступок, еда, Новый год*). Поэтому нарушающими синтактику слов *экстремальный, экстремально* являются сочетания *экстремально коротко стриженные волосы; кухню, которая не имеет окна, что достаточно экстремально; запекание мясных изделий с использованием экстремально высокой температуры*. Поскольку речь идет именно о семантических компонентах, диктующих особенности синтактики, то сочетаемость здесь следует квалифицировать как семантическую.

2.3. Лексическая сочетаемость определяется правилами, сложившимися в процессе исторической практики, т. е. традицией. Ни законы грамматики, ни особенности семантики сочетающихся слов здесь не играют роли. Этот вид сочетаемости можно охарактеризовать формулой «так сложилось, так принято говорить». Например, в русском языке имеется внушительное количество прилагательных со значением ‘хороший’: *терпение ангельское,*

влияние благотворное, участь завидная, тема благодатная, атмосфера здоровая. Отличаются означаемые данных слов только синтактикой, правила которой определены традицией. Круг слов, с которыми могут сочетаться знаки, имеющие в своём означаемом подобные ограничения, подается списком, т. е. простым перечислением: *грузовой (автомобиль, мотороллер, велосипед, теплоход), товарный (поезд), транспортный (самолет)*.

Так, правила сочетаемости прилагательных со значением 'достигший высшего предела, в высшей степени проявляющий качество' на синхронном уровне²¹ определяются только традицией. Надо просто запомнить, что прилагательное *круглый* в этом значении сочетается с существительными *отличник, дурак* и *сирота*, *крошечный* – с существительными *тьма* и *ад*, *абсолютный* – *покой, гробовой* – *молчание, тишина*, *железная* – *дисциплина, грубая* – *ошибка*. Никакими другими факторами, кроме традиции, нельзя объяснить эти правила, поэтому такой тип сочетаемости является лексической.

«Глагол *ошибаться* в рассмотренном выше значении употребляется с небольшой группой существительных типа *адрес, дом, дверь, окно, номер, этаж, телефон (ошибаться дверью и т. д.)*. Все они должны быть выписаны при *ошибаться* «поименно»: в их значениях нельзя усмотреть никакого общего семантического признака, руководствуясь которым можно было бы всякий раз безошибочно употреблять рассматриваемый глагол (хотя на первый взгляд кажется, что такой признак есть и что это нечто вроде 'способности быть частью чьего-л. опознавательного индекса').

---

²¹ Этимологические данные могут объяснить появление некоторых традиций в сочетаемости, например, сочетаемость прилагательного *закадычный* только с существительным *друг*: «Татарское – *kadyk* (твердый, выступающий). Вероятнее всего, слово произошло от существительного «кадык» (от словосочетания «залить за кадык»), так как первоначальное значение слова – «собутыльник». Слово пришло в русский язык из татарского в XIV–XVI вв. и первоначально использовалось для характеристики не людей (ср. «закадычный друг»), а предметов [Этимологический словарь русского языка]. Однако эти данные большинству носителей русского языка не известны. Кроме того, многие из них носят не языковой характер, т. е. не определяются правилами языка, а являются экстралингвистическими, как, например, знания об определенном виде пыток, который породил сочетание *подготовная/подлинная правда*, где прилагательное имеет значение, синонимичное значениям анализируемых прилагательных *крошечный, круглый* и т. д.

Заметим, что *перепутать* не подчиняется этому лексическому сочетаемостному ограничению: *перепутать* можно не только *адрес, дверь, телефон* и т. д., но и *зонтик, книгу, дату, ключ, должность, название* и очень многое другое. Равным образом *уменьшать* можно все, что имеет линейные размеры, количество или интенсивность, а разг. *сбрасывать* (в почти синонимичном значении 'резко уменьшать') – только *давление, газ, скорость, температуру* и, может быть, *вес*. Все эти существительные должны быть заданы при *сбрасывать* списком (или *сбрасывать* должно быть дано при каждом из них), ибо другие существительные того же класса (*расходы, количество продуктов, накал, ширина*) с ним не сочетаются» [Апресян, 1995, с. 61].

Определим тип сочетаемости глаголов *мыть* и *стирать* в значении 'очищать от грязи при помощи воды, воды с мылом, какой-нибудь жидкости'. В отличие от слова *мыть*, его синоним *стирать* сочетается только с названиями предметов, изготовленных из ткани, либо имеющих свойства ткани. Поскольку *стирать* способен вступать в сочетания с классом слов, объединяемых общностью смысла, то ограничения на сочетаемость в данном случае семантические.

Определим тип сочетаемости прилагательных *внезапный, неожиданный, скоростной*. Ограничения на сочетаемость имеет только последнее, которое употребляется со словом *смерть*. Поскольку такое правило можно объяснить только традицией, оно не опирается на особенности семантики слов, то сочетаемость здесь лексическая.

§ 3. Прагматика языкового знака

Прагматический слой значения знака базируется на соотношении **знак ↔ пользователь**. Ч. Пирс первым отметил, что знак существует только в рамках семиотического процесса, в деятельности человека, устанавливающего знаковое отношение. Поэтому при анализе семиотического процесса важная роль отводится субъекту знаковой деятельности, а означаемое знака должно рассматриваться в связи с практическими результатами использования знака, с точки зрения выбора действий, ведущих к успеху и получению пользы.

В применении к языку как знаковой системе главный прагматический эффект применения знаков – достижение коммуникативного успеха. Прагматические функции языкового знака изучает специальная отрасль языкознания – лингвистическая прагматика. «Прагматика не может не опираться на представление о языке как системе средств и правил, но она делает акцент на коммуникативных процессах и контекстуально зависимых принципах использования этой системы в бесконечном множестве разнообразных актов языкового общения. Для неё язык не просто устоявшаяся система знаков или совокупность его функциональных вариантов типа литературного языка, просторечия, диалектов и т. п., а *гибкий способ знаковой репрезентации опыта и коммуникативного взаимодействия* между членами данного социоэтнокультурного сообщества в любой конкретной ситуации» [Сусов, 2009, с. 35].

Прагматический слой значения знака составляет информация, непосредственно не связанная с предметом разговора, не отражающая номинируемый объект. Это информация о коммуникативной ситуации и целях общения, т. е. о том, что связано с целенаправленным использованием языкового знака. Например, в зависимости от коммуникативных и социальных установок, степени категоричности говорящего, от того, какой аспект личности реализуется в разговоре (Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-эстетическое, Я-хамское), для передачи мнения о том, что некто слишком громко разговаривает, избираются знаки с разными прагматическими функциями:

Вы не могли бы говорить потише?

Говорите тише!

Вам не трудно говорить чуть тише?

Вам не кажется, что Вы мешаете окружающим?

Вам никто не мешает?

Закрой рот!

Не стоит так напрягать голосовые связки.

Не понимаю, почему нужно так кричать?

Что за манера сообщать всем о своих проблемах?

3.1. В прагматический слой значения знака входит информация **о ситуации общения**, основными характеристиками кото-

рой являются цель общения, вид осуществляемой деятельности, коммуникативные роли и другие характеристики участников общения.

3.1.1. Говорящий производит высказывание, рассчитанное на восприятие его адресатом, поэтому высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. Передавая информацию о чем-либо, человек одновременно стремится достичь какой-то внеязыковой цели: он спрашивает или отвечает, информирует, уверяет или предупреждает, критикует кого-то за что-то и т. п.

Цель общения чаще всего маркируется в синтаксических структурах. Традиционно выделяют 3 вида предложений по цели высказывания: повествовательные, цель которых – сообщение факта, вопросительные (получение информации), побудительные (воздействие). Данные предложения (*Дождь пойдет завтра. Дождь пойдет завтра? Пусть дождь пойдет завтра.*) называют одну и ту же внеязыковую ситуацию, однако цель сообщения информации разная, т. е. значения предложений отличаются прагматическим компонентом, поэтому эти предложения считаются разными знаковыми комбинациями.

Выделяются и более конкретные, частные цели общения, которые также предопределяют выбор языковых средств: просьба, отказ, убеждение, установление контакта, привлечение внимания и т. д.

В некоторых случаях прагматический компонент обладает в речевой деятельности бóльшим весом, чем собственно семантический. Это значит, что говорящему важно не столько передать объективную информацию, что-то назвать, сколько точно определить, обозначить ситуацию и цель, которая преследуется. Прагматическая функция здесь берет верх над номинативной. Действительно, *извините*, произнесенное с определенной интонацией, может выражать по-русски не только собственно извинение (*извините за опоздание*), но и ироническую форму несогласия, даже протеста (*Гулять под дождем? Нет уж, извините*), просьбу повторить нерасслышанное (*–...Ццать рублей. – Извините?*), быть формой вежливости при обращении, вопросе (*Извините, вы не скажете, который час?*)

3.1.2. Информация о виде деятельности, обслуживаемой языковыми средствами, традиционно связывается функциональ-

но-стилистической принадлежностью знака: *вносить платеж* используется в ситуации официально-делового общения, а *башилять* – в неофициальном общении молодежи, *отравление* – в бытовой ситуации, *интоксикация* – в профессиональном общении медиков.

В рассказе В. Токаревой «Лавина» есть такой диалог:

Давайте познакомимся, – сказала женщина. – Я Люля.

– Игорь Николаевич.

– Тогда Елена Геннадьевна.

Используя при знакомстве свое домашнее имя, женщина пытается обозначить желательный для нее дружеский характер общения. Однако ее собеседник, видимо, не склонен поддержать такую инициативу, называет свое имя и отчество, чем задает определенные рамки. Женщина принимает предложенные правила игры и переходит в другой коммуникативный регистр – официальное общение.

На учете данной прагматической информации основаны рекомендации по использованию стилистически окрашенной лексики. Например, у Д. Э. Розенталя читаем: «Употребление канцеляризмов предполагает, что между субъектом речи и его адресатом существуют подчеркнуто официальные отношения, где каждый из них выступает не как конкретная личность, а как предельно отвлеченная единица (не лицо или организация, а Клиент, Заказчик, Исполнитель, Пассажир, Сторона и т. п.) Они совершенно необходимы в официальных текстах, где придают сказанному дополнительную значимость... Ср. также интервью:

Журналист: *Ребята, сколько вам лет?*

Одна из участниц разговора: *Возраст участников нашей группы от десяти до тринадцати лет.*

Журналист настраивает своих собеседников на неофициальное общение, доверительную беседу; собеседник, не поняв этого, своим ответом переводит общение в подчеркнуто официальную форму. В соответствии с ситуацией здесь возможны варианты типа: *Кому сколько. Сереже десять, а Марине и Тане уже тринадцать.*

Употребление разговорной лексики предполагает ситуации неофициального общения, поэтому ее использование совершенно недопустимо в информационных текстах и текстах официального

характера. Так, в предложении *Сегодня в столицу прибыло 50 вагонов картошки* разговорное слово *картошка* требует обязательной замены на нейтральное *картофель*. Аналогично в тексте официального характера недопустимо употребить слово *провалились* вместо *не сдали экзамен, зачет* [Розенталь, 1998, § 141].

Одна и та же информация передается разными знаками в ситуации бытового и делового общения, научной, эстетической деятельности:

- *С самого утра перепадает мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием. Небо то все заволакивается рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищается на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывается лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз.*

- *В Москве и Подмоскovie сегодня переменная облачность, временами небольшой дождь. Ветер слабый. Температура днем 15–17 °C.*

- *Ну и погода сегодня! То дождь, то солнце. Да и не очень тепло.*

Так называемая общеупотребительная лексика не имеет ограничений на ситуацию использования и может применяться без учета характера коммуникативной ситуации, т. е. в означаемом этих знаков нет прагматической информации рассматриваемого типа.

При употреблении знаков могут приниматься во внимание и более тонкие характеристики ситуации общения: общение на официальных мероприятиях, в гостях, на банкетах, в больнице, на приёме у адвоката и др. Выражения *свидетельствовать почтение, принять уверение в почтении (в глубоком уважении), дать обед* имеют крайне ограниченную сферу применения: только в официально-деловом общении, причем лишь в его дипломатической разновидности (*Правительство Франции дало обед в честь премьер-министра России*). В остальных случаях употребляется *угостить обедом*.

В ситуации обращения некоторые наименования человека по профессии, должности имеют ограничения на использование: допустимо *Водитель, остановите автобус; Кондуктор, нажми на тормоза; Профессор, Вы уронили ручку; вряд ли возможно *Генерал, приказание выполнено; *Адвокат, дайте консультацию; *Лаборант, составьте списки*. Интересно, что как обра-

ние используется слово *доктор*, а не его синоним *врач*, полностью идентичный по семантике. «Это ограничение на употребление нельзя объяснить исходя из лексического значения слова, оно представляет собой независимый элемент прагматической информации, связанной именно с данной лексемой» [Кобозева, 2000, с 91].

3.1.3. Достижение целей общения возможно только в том случае, если учитывается фактор адресата: его социальный статус, образовательный, культурно-речевой уровень, особенности его личности. Ориентация на слушателя заставляет говорящего выбирать определенные языковые средства.

Попытка блеснуть знанием фразеологизмов на латинском языке может быть бессмысленной и провальной, если речь обращена к малообразованной аудитории. Учет адресата важен и при использовании специальных слов, которое возможно только в подготовленной аудитории. Например, экономический термин *франшиза* ‘право на создание коммерческого предприятия, предоставляемое на определенный период и зафиксированное в договоре’, не только имеет ограничения в сфере употребления (официально-деловое общение финансистов), но и является пока малоосвоенным, поэтому говорящий должен быть уверен в компетентности собеседника.

Знак может маркировать **статус участника коммуникации**. В значении знаков, называющих лиц (*приятель, сосед, коллега, земляк, мужик, ваша честь, гражданин, гражданин начальник*) имеется прагматический компонент. Выбранное слово обозначит позицию участников коммуникации, даст информацию как об адресате речи, так и о самом говорящем.

Рассмотрим несколько примеров.

■ Вот диалог начальника и подчиненного:

- *Зачем же ты приключений ищешь?*
- *Затем, что подобные вещи кончаются резней.*
- *Товарищ подполковник.*
- *Резней, товарищ подполковник. [...]*
- *Права думаешь качать?*
- *Не собираюсь.*
- *Товарищ подполковник.*
- *Не собираюсь, товарищ подполковник.*

– *Вот и замечательно* (С. Довлатов «Зона»).

Здесь командир несколько раз напоминает младшему по званию, что правила воинского этикета требуют заканчивать фразу упоминанием статуса старшего по званию. В действительности же он постоянно подчеркивает дистанцию в их социальном положении.

■ В фильме Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин» есть сцена, где матерый бандит и убийца, попав в облаву, кричит: *«За что, дяденька?! Дяденька, не стреляй!»* Используя обращение *дяденька*, он принижает свой статус, пытается притвориться беспомощным, как ребенок, тем самым вызвать сочувствие²².

■ В речи отца, говорящем о себе в 3-м лице, наблюдается сознательное отстранение от роли говорящего (*Если тебе отец говорит, то надо прислушаться к совету*).

3.1.4. Несоответствие избранных языковых средств характеристикам коммуникативной ситуации, т. е. отсутствие ориентации на прагматический компонент в означаемом знака может привести к коммуникативному провалу, создать комический эффект: *«Оставшись в настоящее время совершенно раздетый вместе с моей престарелой матерью и не надеясь на бога как на религиозный предрассудок, я обращаюсь с покорнейшей просьбой о выдаче мне из казенных сумм субсидии на предмет покупки зимнего пальто хотя бы без воротника. Конст. Печенкин»* (М. Зощенко «Три документа»).

3.2. Прагматический компонент означаемого может содержать информацию **об отношении говорящего к обозначаемому**. Можно сказать про одного и того же ребенка *непоседа*, *егоза*, *пострел*, *сорванец*, *вождь краснокожих*, *сорвиголова*, *управы на него нет*. При этом в названиях последовательно нарастает негативная интерпретация говорящим поведения этого ребенка. Следовательно, выбор конкретного слова подчас зависит не столько от свойств самого объекта, сколько от нашего отношения к нему.

3.2.1. Это отношение в некоторых случаях проявляется в самом общем виде как положительная или отрицательная оценка. Например, предложение *Он плодовитый писатель* сообщает о факте, никак его не оценивая. В таком случае можно сказать, что

---

²² Примеры Б. Нормана.

прагматический слой не содержит информации анализируемого типа. Если же этот факт изложить с использованием прагматически нагруженных знаков, то ситуация приобретает оценочность: *Он графоман*. Такое предложение значит ‘он много пишет, и я считаю, что это плохо’, где ‘и я считаю, что это плохо’ и есть прагматическая информация.

3.2.2. Оценочная квалификация может не ограничиваться только знаками «плюс» или «минус», т. е. соотносением со шкалой «хорошо – плохо». Она воплощается в многообразных оттенках отношения: восторг, удовлетворение, сожаление, недоумение, ирония, возмущение и т. п.

В синонимическом ряду *бизнесмен, коммерсант, делец, барыга* со значением ‘человек, занимающийся торговлей’, слово *коммерсант* только характеризует человека по роду его занятий, сообщает, что он является предпринимателем. Слово *делец* еще указывает, что говорящий отрицательно оценивает то, как ведет дела коммерсант, поэтому слово *делец* часто сочетается с прилагательными, называющими отрицательные качества и свойства: *тёмные дельцы, полукриминальные, новоявленные, низкопробные дельцы*. А вот слово *барыга* несколько по-другому оценивает человека, занимающегося бизнесом: оно выражает презрительное отношение.

Слова *глупый, глупенький и безмозглый* называют человека с ограниченными умственными способностями, несообразительного. Однако *глупенький* дополнительно сообщает о том, что говорящий снисходительно относится к интеллекту того, о ком говорит. А вот употребив *безмозглый*, он выражает презрительное отношение к той же ситуации.

Слово *делать* значит ‘проявлять какую-нибудь деятельность, заниматься чем-нибудь, поступать каким-нибудь образом. Д. всё для победы. Д. по-своему’. Но если вместо *делать* говорится *вытворять*, значит, речь идет о чем-то странном, неподобающем. Таким образом, означаемые этих синонимов отличаются в прагматическом компоненте.

Недоверие к сказанному, возмущение, несогласие, по словам Н. Ю. Шведовой, очень часто выражается по-русски через повтор реплики, который обычно сопровождается особой интонацией передразнивания, принижающей мнение собеседника:

– А какая была коза! Ну, голубь, а не коза. Голубь!
– Голубь! – отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка. –
Как почнет инырять рогами, так не знаешь, куда и деваться (А.
Гайдар «Тимур и его команда»).

Наиболее последовательно оценочность обнаруживается в означаемом слов с эмоционально-экспрессивной окраской: *таращиться* ‘смотреть + неуместно’, *кляча* ‘лошадь + отрицательная оценка’, *прожескт* ‘проект + нереальность исполнения’, *физиомордия* ‘лицо + шутливое отношение’.

«В предложении *В те годы его и упрятали в психушку* несправедливость, незаконность совершенных действий выражена разговорными словами *упрятали* ‘поместили туда, откуда трудно освободиться’ и *психушка* (пренебрежительное); ср. с нейтральным ...*поместили в лечебницу для душевнобольных, в психиатрическую клинику*. В словосочетании *разглагольствующие депутаты* негативное отношение к депутатам выражено с помощью книжного причастия, которое характеризует выступления депутатов как многословные и бессодержательные. Ср. также противоположные оценки в предложении *Пушкин оставил нам пушкинниану, Бенедиктов – бенедиктовщину*. В сочетании *апологеты версии о руке Москвы* отношение к достоверности этой версии выражено словом *апологеты*, обозначающим человека, чрезмерно защищающего или восхваляющего кого-либо или что-либо» [Розенталь, 1998, § 141].

В рассказе А. П. Чехова «Ионыч» автор показывает деградацию героя, который утратил идеалы, его интерес к делу уступил место интересу к деньгам. Такая внутренняя метаморфоза сопровождается внешними изменениями (стройный молодой человек обрюзг, постарел). Обыватели стали считать Дмитрия Ионовича Старцева таким же, как они, своим, поэтому «*в Дялиже и в городе его зовут уже просто Ионычем. – «Куда это Ионыч едет?» или: «Не пригласить ли на консилиум Ионыча?»*» (А. П. Чехов «Ионыч»).

3.2.3. Информация об отношении к обозначаемому в прагматическом слое знака является средством интерпретации действительности. За счет эксплуатации этого компонента совершенно по-разному выглядит одна и та же ситуация, описанная в следующих предложениях:

▪ *Опытный политик заключил соглашение с руководителями партизанских отрядов.*

▪ *Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитских шайк.*

При употреблении слов *разведчик* и *шпион*, которые называют ‘лицо, занимающееся добыванием сведений о действующем или вероятном противнике’, создаются картины, выполненные в разных тонах: *разведчик* – это свой, наш, а *шпион* – чужой, противник.

Здесь уместно вспомнить известный случай с именованием Наполеона Бонапарта в парижской прессе. Как известно, Наполеон совершил побег с острова Эльба пошел со своими войсками на Париж. Эти события получили в истории название «Сто дней Наполеона». По мере того как Наполеон приближался к Парижу, заголовки газет существенно изменялись. Первое сообщение было таким: *«Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан»*. Далее последовали: *«Людоед идет к Грассу»*. *«Узурпатор вошел в Гренобль»*. *«Бонапарт занял Лион»*. *«Наполеон приближается к Фонтенбло»*. *«Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже»*. Именования Наполеона изменялись от отрицательно-оценочных к нейтральным и, наконец, к почтительному *его императорское величество*.

Наличие интерпретационного потенциала языкового знака должно учитываться говорящим. На это обращается внимание в рекомендациях по культуре речи, а игнорирование прагматической информации квалифицируется как стилистическая ошибка: «Необходимо проследить, чтобы не возникало противоречий между общей позицией субъекта речи и оценкой, передаваемой экспрессивным словом. Например, из контекста всего предложения *Наши писатели всегда активно вторгались в жизнь страны* очевидно, что автор с одобрением относится к деятельности писателей, но тогда слово *вторгались* здесь неуместно, так как оно обозначает насильственное действие и вызывает негативное отношение к тому, кто это действие совершает. Уместным будет использование неэкспрессивного слова *откликались на события*. Слово *эпицентр*, помимо специального, имеет общелитературное значение ‘место, где с наибольшей силой проявляется какое-л. бедствие, неприятность’. Поэтому ошибочно его употребление в

предложении *Эпицентром праздника стала Манежная площадь* (следует: *центром!*). Также неуместно словосочетание *внести вклад* в предложении *Все эти организации внесли свой вклад в дестабилизацию положения в стране*, так как *внести вклад* связано с позитивной оценкой, а *дестабилизация* – негативной, в данной же редакции сочетание *внесли свой вклад* получает иронический оттенок» [Розенталь, 1998, § 141].

3.2.4. Следует разграничивать оценочный прагматический компонент и семантику знака, называющего явления действительности, которые традиционно связываются с какими-либо ценностями, т. е. считаются положительными или отрицательными. Например, *засуха, пожар, враг, потерять, болеть, умереть* обозначают фрагменты действительности, которые приносят человеку дискомфорт, являются нежелательными в его жизни. Но эти слова не сообщают об отношении к называемому. Эта информация известна всем носителям языка, и подается в указанных словах как имеющая объективный характер, определенный местом явления в языковой картине мира. Эти слова только называют нечто находящееся в нашем восприятии мира в зоне положительного или отрицательного. Поэтому такого рода сведения относятся к семантике знака.

Однако некоторые знаки позволяют еще и выразить отношение. Например, если вес человека отклоняется от принятой в данной культуре нормы, то это отклонение может быть просто обозначено: *худой, полный*. Но данный факт можно и оценить: *худенький, пухлый, пухленький/жирный, тощий, толстопузый, с жиру лопается*. Часто с помощью языка говорящий выражает свое отношение к росту человека: *высоченный, долговязый, сухощавый, верзила, вежа, дылда, жердяй, оглобля; орясина, жердь, верста коломенская, дядя достань воробушка*²³.

---

²³ Ср. также: «Слова такого типа ничего не сообщают об отношении говорящего к обозначаемому данным словом явлению. Так, употребляя предложение *Петя любит Машу*, говорящий никак не выражает своего отношения ни к Маше, ни к Пете, ни к чувству Пети к Маше. (Конечно, произнося это предложение, он может выразить свои чувства по поводу сообщаемого, но уже невербальными средствами: тембром голоса, тоном, мимикой и т. п.) Во-вторых, есть слова типа *хороший, плохой* и т. п., которые могут служить для прямого и непосредственного выражения говорящим соответствующей оценки некоторого объекта, как, например, в предложении *Эта лошадь плохая*. Данные слова отличаются от тех,

Ярчайшим примером использования прагматически нагруженных знаков является диалог из «Двенадцати стульев»:

– Умерла Клавдия Ивановна, – сообщил заказчик.

– Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, богу душу отдает...

– То есть как это считается? У кого это считается?

– У нас и считается. У мастеров. Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, что в ящик сыграли. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, дуба дал».

в которых денотативный и/или сигнификативный слой заполнены объективной, т. е. не эмоциональной и не оценочной информацией, и эмоция либо оценка составляют содержание соседствующего с ними прагматического слоя. Вот почему последний часто называют «окраской» ими «фоном».

Следует также особо остановиться на словах типа *скупой* или *храбрость*, которые называют свойства или явления, за которыми в обществе закреплена определенная оценка. Быть *скупым* или *трусливым*, по общему мнению носителей русской культуры, плохо, а быть *храбрым* или *гостеприимным* – хорошо. Однако эти слова не заключают и себе информации об отношении говорящего к данным свойствам или пилениям, поскольку, вообще говоря, возможна индивидуальная, противоречащая общепринятой точка зрения на данные явления. Взять хотя бы скупость. Одна из русских пословиц гласит: «Скупость не глупость»; т. е. в принципе не исключено, что человек, характеризующий кого-либо как *скупого*, не выражает при этом собственного отрицательного отношения к его превышающему норму стремлению сохранять в своем владении принадлежащие ему материальные ценности. В отличие от этого, если используется для описания того же самого свойства слово *скупердяй*, то никаких сомнений в отрицательном отношении говорящего к этому свойству не возникает. Следовательно, отрицательная оценка соответствующей черты характера человека говорящим входит в значение слова *скупердяй*, но не слова *скупой*, а в денотативно-сигнификативном аспекте они совпадают [Кобозева, 2000, с. 88–89].

Потрясенный этой странной классификацией человеческих смертей, Инполит Матвеевич спросил:

- Ну, а когда ты помрешь, как про тебя мастера скажут?*
- Я человек маленький. Скажут: «гигнулся Безенчук». А больше ничего не скажут. И строго добавил:*
- Мне дуба дать или сыграть в ящик невозможно: у меня комплекция мелкая...*

3.2.5. Некоторые слова языка предназначены только для того, чтобы выражать отношение к факту.

Перед нами три предложения, в которых отражена одна и та же ситуация.

Я съел 3 конфеты.

Я съел целых 3 конфеты.

Я съел всего 3 конфеты.

Но смысл предложений несколько отличается. В первом мы только сообщили о ситуации. Во втором и третьем мы еще и выразили свою интерпретацию данной ситуации: ‘я съел 3 конфеты, и я считаю, что это много’; ‘я съел 3 конфеты, и я считаю, что это мало’. Вот как Ю. Д. Апресян трактует значения некоторых частиц: *Даже А действовал* = *А действовал*, другие действовали, говорящий не ожидал, что *А* будет действовать. *Только X* = говорящий считает, что *X* – это мало. Таким образом, в означаемом слов *целых, даже, только и всего* не заполнен семантический слой значения, поскольку данные знаки ничего не говорят о сообщаемом внеязыковом факте, но заполнен прагматический слой, так как они позволяют выразить отношение к этому факту.

3.3. Прагматический слой значения знака может быть заполнен информацией об **отношении говорящего к адресату**.

Наиболее нагруженными в этом отношении являются обращения, основная функция которых – называть собеседника. Но, выполняя аппеллятивную²⁴ и назывную функцию, обращение одновременно маркирует отношение к адресату речи. Чрезвычайно богатый набор личных имен, использующийся носителями русского языка, позволяет выразить широкий спектр отношений, прежде всего это отношения близкие или дистантные: *Саша, Саша, Шура, Санька, Шурка, Алик, Михалыч/Александр, Александр*

---

²⁴ Аппеллятивный (ая), (ое) (нем. *appellativ* < фр. *Appellatif* < лат. *appellātīvus* нарицательный). лингв. Относящийся к обращению, являющийся обращением.

Михайлович, Александр Сидоров. В данной функции выступают уменьшительно-ласкательные, увеличительные, фамильярные формы имен собственных (*Васек, Петька, Славик, Маишуля, Олежище*) и специальные сокращения (*Вась, Петь, мам, пап*), удвоение типа *Вань, а Вань*.

Носители языка хорошо чувствуют прагматическую нагрузку знаков данного типа: «И почему иногда такие, мягко скажем, личные высказывания имеют наглость произносить не так уж хорошо знакомые тебе люди? Если я очень симпатизирую человеку то могу назвать его *солнцем* или еще чем-то подобным. Своих домашних называю тоже сокращенно, мужа Славика *Сявой* или совсем *Ся*. Дочку тоже почти никогда не называю просто по имени: *Нелька, Нюся, Нена* – всех ее имен и не перечислить. А все потому, что от переизбытка чувств мы ищем способ **в имени выделить свою любовь**. Ну как можно не назвать любимого *котиком, зайчиком*» [URL: <http://www.mixei.ru/archive/index.php/t-26374.html>]. Говорящий отчетливо связывает отношение и номинацию: «Когда Вова меня не злит, я его *милым* или *котиком* называю, когда смешит – *чуч* (от *чучело* что ли?)), когда злит – *гадюшник* (иногда *старый гадюшник*)» [URL: <http://www.mixei.ru/archive/index.php/t-26374.html>].

Обращение регулирует дистанцию между говорящими. Такие слова, как *брат, братец, отец, доченька, дедушка, бабуля* и т. п., могут быть адресованы не только родственнику, но и незнакомому лицу. Они как бы задают ожидаемое от адресата отношение к говорящему и часто предваряют просьбы. Не менее, если не более, характерно для обращения выражение отношения говорящего к адресату именами прилагательными и причастиями эмоционального и оценочного значения, такими как *дорогой, любезный, дражайший, любезнейший, любимый, милый, родной*²⁵.

Местоимения *Вы* и *ты* имеют ярко выраженную прагматическую направленность: *Вы* чаще маркирует уважительное отношение, социальную дистанцию, более высокую позицию адресата, а *ты* – включение собеседника в личную сферу говорящего²⁶.

---

²⁵ Примеры Н. Д. Арутюновой и И. Б. Левонтиной.

²⁶ Личная сфера говорящего – это фрагмент наивной картины мира, в который «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально и интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и

Ярчайшей иллюстрацией того, как по-разному и как тонко работают в общении носителей русского языка эти местоимения, является стихотворение А. С. Пушкина:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *Вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

Включение в личную сферу говорящего – одна из характеристик неофициального русского общения. Этот компонент имеют в своем значении не только имена, называющие собеседника. Например, слова со сниженной стилистической окраской в речи русского человека часто используются для демонстрации близости с адресатом речи. В фильме «Место встречи изменить нельзя» Жеглов говорит Шарапову, с которым находится в дружеских отношениях: «*Ну и рожка у тебя, Володя... Смотреть страшно!*»

Путем использования личных и притяжательных местоимений *мы*, *наш* вместо *ты*, *вы* *твой*, *ваш* демонстрируется соучастие, заинтересованность в делах адресата. «*Ну, как мы себя чувствуем?*» – говорит врач, обращаясь к пациенту, имея в виду только его одного. «*Ну так как там наши орхидеи?*» – показывает свое внимание к делам адресата человек, далекий от разведения орхидей.

Слова с суффиксами субъективной оценки (чаще называемые уменьшительно-ласкательными) также имеют в значении обсуждаемый прагматический компонент. «...*Малому* свойственно быть *милым*. Самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное... При этом даже вовсе не берется иногда в расчет самый наружный вид предмета. Например, слова: *братец, сестрица*... Чтобы представить предметы милыми, чтобы

постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян, 1995, с. 645–646].

высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми... Оттенки отношения к предмету уменьшенному многочисленны. Кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем... кроме чувства, что этот предмет мне дорог, в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляет он в смиренном виде» [Аксаков, 2011, с. 63–64]. И наоборот, суффиксы «увеличительные» часто выражают негативное отношение к адресату речи: «*Ножищи-то вытри*». Академик А. А. Шахматов акцентирует внимание на том, что основное различие слов с подобными суффиксами не семантическое, а прагматическое: «...Суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: *домик, домина, домище, домишко* обозначают то же представление, что *дом*; следовательно, эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные от него» [Шахматов, 1941, с. 34].

Заметим, что слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами часто употребляются в общении с ребенком. Произнося знаковые выражения типа *иди ко мне на ручки, закрывай глазки*, говорящий совсем не имеет в виду, что руки и глаза маленькие или что он любит эти руки и глаза. Отношение здесь выражается к адресату – ребенку.

В последнее время в русской речи наблюдается экспансия суффиксов субъективной оценки. В кулинарной передаче слышим не *поджарим морковь на масле и опустим в бульон*, а *поджарим морковочку на маслице и опустим в бульончик*. Особенно распространено данное явление в сфере обслуживания: *серенькая машинка, хорошенький кремчик, свеженькая сметанка* и т. п. Понятно стремление продавца, диспетчера выразить свое расположение к клиенту, но вот уместно ли это делать именно в такой форме в ситуации официального общения?

Существуют более корректные способы демонстрации расположения к собеседнику, без насильственного вторжения в его

личную сферу. Например, простая констатация факта может служить прагматическим средством выражения положительного отношения. Если в речи говорится о финансовой устойчивости партнера, это не обязательно значит, что говорящий тем самым логически мотивирует свое желание иметь дело с собеседником как с надежным компаньоном – фразы имеют целью подчеркнуть значительность собеседника в глазах говорящего (*Поскольку ваша фирма имеет прочные позиции на рынке компьютерных технологий, мы хотим вам предложить... Так как ваша фирма является крупнейшим поставщиком ВАЗа, мы хотим заключить с вами договор о...*)

3.4. Некоторые авторы (Ю. Д. Апресян, И. М. Кобозева) к прагматической информации относят **коннотации**. «Коннотации (семантические ассоциации) – несущественные, но устойчивые признаки понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности, отражают господствующую в данном обществе практику использования данной вещи, совокупность закрепленных в культуре данного общества ассоциаций, содержательные элементы, логические и эмоциональные, которые складываются в стереотип» [Апресян, 1995, с. 159]. Коннотация не отражает реальные признаки номинируемого объекта, она представляет собой логически не мотивированные представления об объекте, приписываемые ему носителем языка, например, признак ‘грубость’ у *свины*, ‘невнимательность’ у *вороны*. Порой коннотация противоречит реальным признакам объекта. Так, по данным Е. В. Логиновой, в большинстве случаев наименования *божья коровка* возможно проявление коннотаций, связанных с положительным образом (например, ‘безобидность’, ‘бесхитрость’), хотя это насекомое является далеко не безобидным: божья коровка – хищник, поедающий тлю.

Именно ассоциативный характер таких смыслов является основой некоторых характеристик коннотаций.

3.4.1. Семантически близкие слова могут иметь в прагматическом слое разные коннотации. Например, слова *осел* и *ишак* называют одно и то же животное, при этом в основе номинации лежат одинаковые признаки. Следовательно, денотативный и сигнификативный компоненты семантики совпадают. Однако со

словом *ишак* для носителя русского языка связывается представление о готовности безропотно работать (*работает, как ишак; хороший ишачок, я вам не ишак тянуть за всех, не стану ишачить*), а с *осел* – об упрямстве и тупости (*упрямый или глупый, как осел; Ну и осел же ты; не осли*). «У существительного *собака* есть коннотаций тяжелой жизни (*собачья жизнь, жить в собачьих условиях*), преданности (*смотреть собачьими глазами*) и плохого (*Ах ты, собака!, собачья должность*); у существительного *пес* – холопской преданности (*сторожевой пес царизма*) и плохого (*песий сын*); у существительного *сука* – плохого (*сучьи дети*); наконец, у существительного *кобель* – похоти (*Когда же ты образумишься, кобелина проклятый?*) [Апресян, 1995, с. 68–69].

3.4.2. Носители разных языков, представители разных культур могут воспринимать один и тот же объект по-разному, поэтому коннотации, отражающие результаты восприятия, могут быть и часто бывают национально специфичными.

В русском языке слово *березка* имеет коннотацию женственности, стройности, в норвежском – стойкости, выносливости.

Со *слоном* в русском языке связывается представление о тяжеловесности, неуклюжести (*как слон в посудной лавке* ‘о большом и нескладном человеке, оказавшемся в тесноте, среди ломких, хрупких вещей; разг. шутл.’, *слон* ‘перен. разг.-сниж. крупный, неуклюжий человек’). А вот в литературном языке древней Индии санскрите есть слово *gadja* ‘слон’, а также образованное от него слово *gad jagatini*, которое имеет значение ‘легконогий’, а буквально переводится ‘слоновой походкой’. Значит, в санскрите у слова *слон* были коннотации ‘легкости’, ‘грациозности’. Как становится очевидно, слону в разных культурах приписываются разные свойства, что говорит об отсутствии объективной основы у коннотаций.

В русской культуре *вода* воспринимается как пустая, бесполезная в пищевом отношении жидкость, на этой коннотации основано выражение *в докладе много воды*, что значит ‘он лишен содержания’. Французское *eau* ‘вода’ имеет значение, которое более или менее можно предать русским *отвар* (*eauderis* ‘букв. рисовая вода’), т. е. имеет противоположный коннотативный смысл.

По-разному народы могут интерпретировать даже такие понятия, как форма. Сравним, как используется слово *квадратный* в известной немецкоязычной рекламе: *Quadratisch, praktisch, gut!* Как видим, **квадратный** ставится в ряд с понятиями **практичный** и **хороший**, т. е. имеет явно положительные коннотации. А в стихотворении Ю. Левитанского «Квадратный человек» обнаруживается совершенно иная интерпретация этой формы.

*Как полуночный вздор,
как на голову снег
мой грозный командор,
мой черный человек –
как поздний вестовой
по гулкой мостовой –
квадратный человек
с квадратной головой.
Квадратное лицо.
Квадратные очки.
Квадратные глаза.
Квадратные зрачки.
И челюсти во рту
гремят, как жернова,
когда он говорит
квадратные слова.
Квадратный человек,
сам черт ему не брат.
В саду его растет
квадратный виноград.
И явственно видна,
пока он говорит,
квадратная луна
в глазах его горит.
О, этот человек,
он выпрямить готов
округлости полей,
округлости прудов,
и возвести в квадрат –
и возвести стократ –
квадрат своих затрат,*

*квадрат своих оград.
Квадратный человек,
мой грозный командор,
мой прошлогодний снег,
мой полуночный вздор,
нелепое звено
из рода небылиц, –
и все-таки одно
из действующих лиц.
И по спине сквозит
нездешним холодком,
когда он мне грозит
квадратным кулаком.*

Для русского человека *квадратный* ‘чересчур правильный, слишком прямой и одинаковый во всем’, общее восприятие говорящим намерений квадратного человека окрашено негативной эмоцией страха.

3.4.3. Коннотации часто имеют культурные корни, основаны на мифологических, религиозных представлениях народа.

В немецком языке козе приписывается набор неприятных свойств – глупости, любопытства, разборчивости и т. п.; ср. переносные значения и устойчивые сравнения *dumme Ziege* ‘глупая коза’, *alte Ziege* ‘старая коза’, *magerwieeine Ziege* ‘худая, как коза’, *neugierigwieeine Ziege* ‘любопытная, как коза’, *wahlerischwieeine Ziege* ‘разборчивая, как коза’. Этот набор коннотаций объясняется тем, что, по данным А. В. Исаченко, в Западной Европе коза до недавнего времени была символом негативного социального статуса, «коровой бедняков». Поэтому исторически сложилось пренебрежительное отношение к этому животному. В русском быту любое домашнее животное, в том числе и коза, было скорее приметой достатка, что создавало основу для положительных коннотаций. Для *козы* это прежде всего коннотации подвижности и привлекательности. В некоторых славянских поверьях коза может выступать даже как символ плодородия (ср. *Где коза рогом, там жито стогом*).

В языке народа догон (Африка) есть выражения со значением ‘собраться с духом’ (букв. ‘сделать печень’), ‘он терпелив, вынослив’ (букв. ‘он имеет печень’), ‘прийти в ярость’ (букв.

‘дать почувствовать печень’), ‘получить удовольствие’ (‘подсластить печень’), ‘радость, удовольствие’ (‘сладкая печень’), ‘честность, благородство’ (‘белая печень’), ‘лицемерие’ (‘черная печень’). Эти единицы говорят о том, что печени приписывается свойство вырабатывать чувства, формировать качества человека. Возможно, что такие коннотации связаны с древними представлениями народов о том, что, съев печень врага, человек получает от него все его качества.

Возникновение коннотаций может быть связано с произведениями литературы или закреплено ими. Например, в русском языке у слова *стрекоза* есть коннотация недалёковидности, непрактичности, легкомыслия, которая воплощается сюжете басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», заимствованном русским баснописцем у француза Лафонтена. Однако героиней французской басни была цикада – неизвестное русскому читателю насекомое. Поэтому И. А. Крылов заменил цикаду на стрекозу, не меняя основного содержания басни. Так за стрекозой закрепилось легкомыслие – качество, которое, конечно, не присуще данному насекомому.

3.4.4. Коннотации не входят в семантику слова, однако существенно влияют на его функционирование в языке. Например, «во многих случаях именно на основе коннотаций слово регулярно метафоризируется, включается в сравнения, участвует в словообразовании и других языковых процессах. В результате признак, являющийся ассоциативным и прагматическим в одном лексическом значении, выступает в качестве существенного и семантического в другом. Аналогичным образом *лакей* и *слуга* являются близкими синонимами в прямых значениях, но из-за различия в коннотациях резко расходятся в переносных; ср. *окружить себя лакеями подхалимами, но слуга народа*» [Апресян, 1995, с. 69].

Часто на коннотациях основаны **переносные употребления** названий животных для номинации людей: *змея* ‘коварный, хитрый, злой человек’, *медведь* ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’.

Обезьяне в русском понимании свойственно передразнивать, кривляться. Эти смыслы актуализируются в **производном** глаголе *обезьянничать* ‘подражать кому-нибудь, перенимая манеры, речь’. Значение слова *петушиться* ‘вести себя задиристо и запальчиво, горячиться’ базируется на коннотации ‘задиристость’, имеющейся в прагматическом слое значения существительного *петух*.

Коннотации также актуализируются **во фразеологизмах**: *змею отогреть на своей груди* (перен.) ‘о том, кто был обласкан, а позднее оказался врагом, предателем’; *медвежьи объятия* (разг. шутол.) ‘тяжелые и неловкие’; *медвежья услуга* ‘неловкая помощь, услуга, причиняющая только вред’.

3.5. Итак, как правило, означаемое языкового знака может включать в себя 4 разных типа информации: о каком-то фрагменте мира (денотативный компонент), о том, в какой форме этот фрагмент мира отражен в сознании человека (сигнификативный компонент), о том, как знак связан с другими знаками (синтактика), о том, в каких условиях этот знак поможет достичь коммуникативного успеха (прагматика).

Прагматический и синтаксический компоненты значения знака напрямую касаются его использования, употребления, а семантический компонент характеризует знак безотносительно к его непосредственному использованию. В то же время семантический и прагматический компоненты характеризуют знак со стороны его экстралингвистических связей, а синтактика – со стороны его внутрilingвистических особенностей.

Вопросы и задания для самоподготовки

1. Назовите составляющие семиотического процесса. Как каждая из них связана с означаемым языкового знака?
2. Что такое денотат? Какие виды денотатов выделяются современной семантикой?
3. Что такое сигнификат? Какая информация фиксируется в сигнификативном слое значения?
4. Какие группы лексики выделяют на основании заполненности денотативного и сигнификативного слоя?
5. Выявите денотативные отличия означаемого слов *бережливый/скупой, кто-то / кое-кто, одеваться /наряжаться*. Имеются ли у них различия сигнификативные?
6. Опишите семантику суффиксов *-онок-, -оват-*, приставок *анти-, без-*.
7. Опишите семантику слов *вкусный, далеко, свобода, чертить, соображать*.
8. Назовите типы сочетаемости, объясните особенности каждого типа.

9. Приведите примеры морфем и слов, имеющих ограничения на сочетаемость. Определите тип сочетаемости.

10. Какого рода информация содержится в прагматическом слое значения знака?

11. Приведите примеры морфем и слов, выражающих отношение к ситуации, отношение к собеседнику.

12. Какие пометы в словаре маркируют прагматическую информацию? Выпишите таковые из любого толкового словаря.

13. Какую информацию о характере означаемого данных слов можно извлечь из помет в «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой? *Давать*, *вручать* (лично кому-л.), *совать* (небрежно или тайком, разг.), *отваливать* (много, прост.). *Изменять*, *модифицировать* (кн.), *преображать* (полностью), *переименовывать* (намеренно), *ломать* (круто).

14. В чем специфика означаемого у междометий?

15. Какого рода различия имеются в означаемом знаков *повстанцы*, *революционеры*, *мятежники*, *сепаратисты*?

16. Сопоставьте означаемое слов *животное*, *собака*, *собачонка*, *Мухтар*, *он*; *компьютер*, *ноутбук*, *комп*, *Железный Дровосек*.

17. Проанализируйте причины речевой ошибки с точки зрения компонентов означаемого использованных языковых знаков: *Все эти организации внесли свой вклад в дестабилизацию положения в стране. Вчера во стольный град Киев приперся высокий гость.*

Заключение

Мы начали учебное пособие с утверждения продуктивности семиотического подхода к изучению языка, который был впервые реализован в трудах Ф. де Соссюра, определившего основные свойства языкового знака. Параллельно развивается и общая теория семиотики. Ч. Пирс изучает процесс использования знаков и выделяет его составляющие. Как результат развития идей выдающегося лингвиста и классика семиотики, их последователей и оппонентов в языкознании выделяются целые отрасли и направления: семантика, лингвистическая прагматика, теория речевых жанров и другие, – которые сделали заметный шаг вперед на пути представления языка как живой, функционирующей информационной системы, способной откликнуться на все коммуникативные и когнитивные потребности человека и общества.

Библиографический список

- Агеев В. Н. Семиотика / В. Н. Агеев. – М. : Весь мир, 2002. – 256 с.
- Аксаков К. С. Опыт русской грамматики / К. С. Аксаков. – М. : Либроком, 2011. – 232 с.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М. : Рус. язык, 1975. – 600 с.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 357 с.
- Барт Р. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
- Бейтс Э. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 50–103.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 209–235.
- Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.299.ru/enc.php>.
- Вежбицка А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах. Вып. 3 / А Вежбицка. – М. : Thesis, 1993. – 671 с.
- Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 231–291.
- Горбунова Л. И. Письмо в его истории и функционировании / Л. И. Горбунова. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – 186 с.
- Гуревич Т. Межъязыковая омонимия, паронимия (на примере английского языка). «Ложные друзья» переводчика [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007/Gurevich_T/#.
- Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М. : Просвещение, 1965. – С. 49–56.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М: Ком Книга, 2006. – 248 с.
- Журавлев А. П. Звук и смысл : кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / А. П Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 160 с.
- Зубкова Л. Г. Принцип знака в системе языка / Л. Г. Зубкова. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 752 с.
- Кайдалова А. И. Современная русская орфография / А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. – М. : Высш. шк., 1983. – 240 с.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М., 1965. – С. 85–93.

Крейдлин Г. Е. Семиотика, или Азбука общения / Г. Е. Крейдлин, М. А. Кронгауз. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 96 с.

Левонтина И. Б. Русский со словарем [Электронный ресурс] / И. Б. Левонтина. – Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/russkij-so-slovarem-read-243720-1.html>.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ. – 477 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПб, 2000. – 704 с.

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Ээстираамат, 1973. – 140 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/intro.php.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры. В 3 т. [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. – М. : УРСС, 1998. – 168 с. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/texts/stability.html>.

Мартине. А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М. : Прогресс, 1963. – С. 366–566.

Мечковская Н. Б. Язык и религия: лекции по философии и истории религий : Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. – М. : Академ. проект, 2001. – С. 45–98.

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1999. – 896 с.

Норман Б. Ю. Сборник задач по введению в языкознание / Б. Ю. Норман. – Минск : Вышэйш. шк., 1989. – 230 с.

Норман Б. Ю. Теория языка [Электронный ресурс] / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 296 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/418147>.

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.

Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1970. – 597 с.

Панов Е. Н. Знаки. Символы. Языки / Е. Н. Панов. – М. : Знание, 1983. – 192 с.

Пешковский А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1952. – 293 с.

Пирс Ч. Элементы логики // Семиотика: Антология. – М. : Академ. проект, 2001. – С. 165–227.

Пирс Ч. С. Избранные философские труды / Ч. С. Пирс. – М. : Логос, 2000. – 412 с.

Платон «Диалог «Кратил» [Электронный ресурс] / пер. Т. Васильевой. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/plato/kratil.html>.

Плунгян В. А. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 115–133.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Почепцов Г. Г. Русская семиотика / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-Бук, 2000. – 719 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. – 2-е изд., испр. – М. : ЧеРо, 1998. – 400 с.

Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я / А. В. Семенов. – М. : Юнвес, 2003. – 704 с.

Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе / С. Соколов. – М. : Азбука-классика, Азбука-Аттикус, 2009. – 608 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.

Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1972. – 168 с.

Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова Кныга, 2009. – 272 с.

Филин Ф. П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // ВЯ. – 1980. – № 4. – С. 36–50.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М. : ВИНТИ, 1977. – С. 181–210.

Шахматова А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Изд. 2-е. М. : URSS, 1941. – 620 с.

Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика: Антология. – М. : Акад. проект, 2001. – С. 111–129.

Якобсон Р. О. К вопросу о зрительных и звуковых знаках // Семиотика и искусствометрия. – М. : Мир, 1972. – С. 82–87.

Якобсон Р. О. Нулевой знак // Избранные работы. – М., 1985. – С. 222–230.